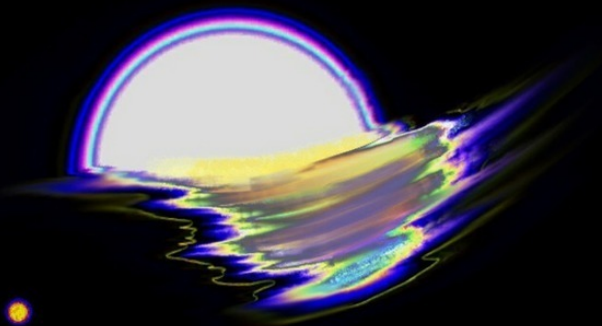

Михаил Гарудин

ДРУГОЕ СОЛНЦЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Михаил Гарудин

Другое Солнце.

Фантастичекий триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23684913

ISBN 9785448398605

Аннотация

После длительной экспедиции астронавт возвращается на Землю и с ужасом выясняет: – что теперь его не признают человеком... – что проблема перенаселения усугубляется потоком мигрантов из внешних колоний, а толерантность принимает весьма причудливые формы; – что «прекрасное далёко» в свете последних гуманистических достижений бодрит и пробирает до костей. Ночь. 23 век. Поиск другого Солнца.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТШЕЛЬНИК	5
1	5
2	16
3	32
4	41
5	48
6	56
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ ИГРА	59
1	59
2	67
3	77
4	84
5	91
6	104
7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Другое Солнце

Фантастичекий триллер

Михаил Гарудин

Иллюстратор Валерия Александровна Бобылева

© Михаил Гарудин, 2017

© Валерия Александровна Бобылева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9860-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТШЕЛЬНИК

1

9 лет. Много это или мало? Все разумеется зависит от того, что произошло за эти 9 лет. Казалось бы, если большую часть этих лет ты провел в анабиозной ванне, то вроде бы время не в счет. Но даже если ничего особенного для тебя не случилось, то все равно что-то произошло на Земле, которую ты оставил. Получается, что человек после девяти лет в космосе непременно испытывает культурный, психологический и прочий шок. Поэтому и запретили такие долгие экспедиции.

Конечно, это сейчас их запретили, но когда-то давно такого запрета еще не было. Хочешь на пару десятков лет в космос? Пожалуйста! Возможностей связи за пределом в пару световых лет без ретрансляторов не существует, сообщения посылать уже бессмысленно, они будут идти годы. То есть никто не знает, жив ты или мертв. И когда дело касается длительных экспедиций, то проще сразу считать, что мертв. Сами подумайте, даже если вы отправились на пять лет в поиск, никаких гарантий, что вы вернетесь у вас нет. Гарантий нет, только статистика, весьма печальная. И если вы не вернулись через пять лет, то через пятнадцать вас признают погибшим,

по закону. Теперь представим, что вы совсем близко улете-ли – года на три. Ну, словно бы вышли в соседний супермаркет за хлебом. И вот: проходит пять лет, а вас нет; шесть лет, а вас нет; семь... Всем давно ясно, что вы не жилец. Скорее всего на вас упал вертолет. Каждому нормальному живому человеку в здравом уме и твердой памяти достаточно и пяти лет чтобы добраться до дома из соседнего супермаркета. Не так ли?

Тут-то и начинается самое интересное, ибо прошло девять лет и ты возвращаешься домой... Наверное не самый лучший из тех, с кем отправлялся в путь, но почему-то, по чьей-то неведомой прихоти, живой... И все что есть у тебя – это желание встретить людей знакомых и не очень, просто обычных людей, которым ты небезразличен, и можно наконец-то поговорить словами, которые язык разучился произносить за годы молчания, и надежда... что сокровенная тонкая нить, связывающая твое сердце с сердцем твоей возлюбленной... до сих пор не оборвана.

И видишь перед собой до боли родную планету с синими океанами, восходящую над зеленовато-серым с бурыми пятнами холмистым горизонтом Луны, когда до дома всего ничего – 20 часов перелета на лайнере! И перед бронированным окошком оператора улыбка сползает с лица и капает горячим воском в трепещущее сердце, и оно замедляет свой бег, становясь все громче, отчетливее, как планомерные удары молота приговора, когда узнаешь, что допуск тебе закрыт.

– Ребята, вы не поняли, я же свой, я с Земли, к любимой спешу... Она же ждет меня, вы что, не понимаете? Девять лет... Вы знаете каково это ждать девять лет, как там в пространстве выживать девять лет?!

– Девять лет? Ха-ха-ха, не смешите меня!

– Она в Агентстве Поиска и Освоения работает, в западно-европейском филиале!

– Там что, все такие же чокнутые, сидят и ждут по девять лет? Ха-ха-ха!.. – ржет оператор-мальчишка, а затем вдруг замирает, становится серьезным и озабоченно спрашивает:

– Подождите. Вы кто такой? Поисковик? Фамилия, имя... Глеб Ефимович Одинцов? Вы, кажется, из той нашумевшей экспедиции к Веге?

– Я это. Конечно я! – у Глеба затеплилась надежда, что его признали и сейчас недоразумения исчезнут и все образуется наилучшим способом.

Глеб нетерпеливо сжимает в кулаке тщательно отглаженный накануне форменный поисковый берет.

– Ах, да. Конечно вы не в курсе... – кивает паренек. – Глеб Ефимович Одинцов... экспедиция к Веге... Но я не знаю **КТО ВЫ СЕЙЧАС...**

Повисает нелепая пауза.

– Извините, но паспорта гражданина Земли у вас нет... Да, разумеется, паспорта ввели, когда вас не было. Все, что вам требуется это: пройти идентификацию личности, взять направление с места работы, в данном случае от вашего ко-

митета. Понимаете?

Глеб неуверенно кивает головой.

– Потом пройдете карантин... Так?

Глеб повторяет «ага, потом карантин». Нет, ну правильно, карантин должен быть обязательно по идее.

– Вот. Затем уже будет консилиум, ясно?

Ну конечно ясно, как не понять. Карантин же должен окончиться вердиктом врачей.

– Хорошо. И, если бог даст и черт не подведет, получите одобрение медицинского совета...

– И тогда к вам, так что ли? – спрашивает Глеб.

– Не-е-ет, – машет рукой паренек. – Затем вы подаете на паспорт, это несколько месяцев. Там очереди ого-го! И тогда уже, как будет паспорт у вас, делаете запрос на визу. Это тоже пару месяцев, плюс еще один карантин, консилиум, заключение... Но вот когда вам дадут наконец визу, вы и подойдете с ней к нам. И я буду знать, что вы – тот самый Глеб Ефимович Одинцов, вот ваш паспорт, вот ваша виза и так далее...

– Я уже прошел какую-то идентификацию, толком не знаю что это. Вот, смотрите, я соответствую себе на 97%! Этого не достаточно?

– Отлично, но честно сказать, результат не слишком э... хороший. Что ж, теперь вам надо направление с места работы, от вашего АКПО. Здесь могу помочь. Связать вас?

– Замечательно! Мать вашу! У вас сто Глебов Ефимови-

чей Одинцовых каждый день с Веги возвращаются, что ли?

– Порядок есть порядок, Глеб Ефимович. Вас с каким фи-
лиалом связать?

– С Восточно-Европейским.

И вот, когда на зловещем мерцающем экране видеокома
появляется знакомое с юности лицо твоего начальника, став-
шее уже в каком-то смысле родным (ведь это он провожал
тебя в ту знаменитую экспедицию) получаешь по мозгам:

– Э... Глеб? Очень рад тебя видеть! Хорошо выглядишь!
Послушай, Глеб, я не хотел бы тебя огорчать, тут кое-что
изменилось и, прямо скажем, не в лучшую сторону. Ви-
дишь ли, я... не могу тебе дать направление на Землю. Пока
никак. Извини. Такие порядки.

– Что? – голос Глеба растерян и еле слышен из сдавлен-
ного горла.

– Давай сделаем так, – немного бодрее продолжает на-
чальник, приглаживая сначала седые волосы, а затем лац-
кан темно-бардового пиджака. – Мы можем тебя направить
на околоземные колонии, на Марс или Луну... Полагаю,
на Марс лучше. Там немного отдохнешь, разберешься, что
к чему... Не обижайся, Глеб, при всем моем желании, в бли-
жайший год точно на Землю допуск тебе закрыт. И не спра-
шивай, и не кричи... Я тут бессилён. Так решили там, – и Ва-
силевский (это фамилия начальника) выразительно ткнул
пальцем наверх. – Извини, брат.

Глеб запрокинул голову и ничего там нового не увидел,

кроме тех же звезд над прозрачным сводом внешнего Лунариума. Кто же там может что-то запретить ему? И этот мальчишка прыщавый за стеклом, столь хорошо осведомленный об очередности прохождения процедур допуска на Землю, собрав брови домиком, лишь развел руками.

– Да вы тут все... с ума посходили, что ли? – вот и все что удалось сказать по этому поводу.

– Ну как решаем, на Марс? – участливо спросил мальчишка, и добавил: – А что? Очень даже разумное предложение: месяц карантина и свободен, а там глядишь через годик и на Землю пустят. Совсем неплохо на Марсе: и санатории есть, и всякие развлечения, и пляжи хорошие.

– Санатории с пластиковыми чайками... Знаю, – перебил Глеб, а мальчишка не смутившись и улыбаясь как-то неприятно, с плохо скрываемым чувством превосходства во взгляде, продолжает тем же тоном:

– Или можешь еще годик здесь в системе подработать, на перевозках деньги поднять, а потом еще раз попробовать. Денежки лишними не бывают...

– Да пошел ты, – не сдержался Глеб.

– Успокойся, Глеб, успокойся, – увещевал Василевский с экрана.

– Я хочу поговорить с Лисс.

– А кто это? – удивляется Василевский и меняется в лице.

Откуда ему знать о Лисс, ведь она в другом филиале работает...

– Ничего не знаю о ней, – оправдывается Василевский, пожимает плечами и продолжает смахивать пылинки с лацкана.

Откуда ему знать о Лисс, которая девять лет назад работала в другом филиале. И ты не знаешь, что с ним, с начальником твоим произошло за это время. Знаешь только о себе. Что было? Обычная поисковая история, драматическая, как часто случается. Система Веги: картографирование планет, изучение атмосфер, грунтов, электрическая западня в окружении кварцевых скал. Это было только начало, первый взнос, половина экипажа. А затем, была еще одна гибель, пронзившая сердце – молодая пара, Ромео и Джульетта рейса, молодая семья поисковиков, ребята, в которых души не чаяли все. Они погибли под внезапно обрушившейся лавиной Декстры, под свинцовым сходом. Но и этого оказалось недостаточно. Вместо траура полагалась борьба за выживание в разваливающемся на части крейсере, когда системы жизнеобеспечения и управления то и дело выходят из строя и ежедневные метеоритные атаки, ставшие нормой жизни, которые однажды добрались до запасов воды. Отсутствие связи с Землей, боль о самом дорогом, теперь уже единственно близком, и бесконечно далеком человеке. Так длилось четыре года. Четыре года отчаянной борьбы за возвращение домой, с двумя сломанными реакторами, на едва управляемом корабле, в полном одиночестве. А на-

последок, заключительным аккордом – столкновение с астероидом, чуть было не погубившим остатки экспедиции – его и еще двоих в анабиозе. Он посадил крейсер на площадку лунного города и началась волокита. Выжившие две недели назад отправились на Землю, пожелав капитану удачи, отблагодарив его за героическое возвращение, за их спасенные жизни. А потрепанный герой стоит перед мальчишкой-оператором, словно в чем-то виноват и просит... будто о пощаде. И он чувствует себя виновным за то, что он не вернул всех... и они видят эту вину в его глазах и гордятся собой. Но эта вина не перед Василевским, не перед мальчишкой же, черт возьми!!!

– Там у тебя осень, наверное? Дождик льет, листья пожелтели... – Глеб поворачивается спиной к экрану и немного ссутулившись уходит, а по дороге со звоном швыряет скомканный берет в мусорный бак. Бак покачивается, едва не опрокинувшись.

Как же встретиться с Лисс... неважно где, просто увидеть ее хотя бы, поговорить... Глеб пытался ее разыскать, но западно-европейский филиал, оказывается, расформировали целых три года назад, и никто ничего о Лисс Весте не знает. Никто не знает, как будто человека вообще не существовало! Ну не померещилась же она ему! Где же она? Ведь о том, что миссия с Веги вернулась известно всем, ничего секрет-

ного тут нет. А о ней ни слуху, ни духу – будто и не было вообще. Это странно. Так не принято. Знаете, что бы там не случилось у нее с личной жизнью, но не принято так встречать у поисковиков! Хороша встреча: хлопают по плечу, поздравляют, ты вернулся, браток, но... ты – лишний. Глеб потрогал свое плечо. Нет, даже не хлопали, поздравляли весьма сдержанно... пряча глаза. Странно. Неужели так сильно изменились вековые нерушимые, как казалось, традиции поискового братства?

Опустевший корабль отправился на Юпитер, где инфраструктура подешевле. Месяца два Глеб в гордом одиночестве латал дыры в корабле, и зализывал раны на сердце. И он уж было смирился с одиночеством, пока случайно не встретил весельчака Майка, с которым знался еще по рейсу на Прочион. Так началась эпопея с туристами. В это омерзительное дело Майк втянул его со свойственным ему задорным оптимизмом. Но долго Глеб не вынес, да и Майку выдали визу на Землю, так что в общей сложности их «туристический период» длился три месяца. Экскурсии по лунам Юпитера и Сатурна смешались в нескончаемой череде лиц пьяных на разных стадиях и лиц в разной стадии протрезвления. Туристы-земляне запредельно богаты в сравнении с обитателями поселений. Все-таки прав был дедушка: земляне, когда у них мало денег, думают задницей, а когда слишком много – гениталиями.

Глеб старался сдерживаться и ему удавалось до последнего раза, когда он с милой улыбкой на лице попрощался с «туриками», оглядел шлюзовую камеру и коридор, где по полу валялись бутылки, чьи-то рваные одноразовые трусы и лифчик, притушил носком ботинка еще дымящийся окурок, аккуратно переступил свежую блевотину, подошел к Майку и все еще также улыбаясь произнес:

– Довольно.

Тем временем прошло уже полгода, как его отфутболили с пропуском на Землю. Пресловутая «идентификация личности» оставалась равной 97%. Может ошибка данных? Куда потерялись три процента его личности? Знать бы еще, что они подразумевают под личностью...

– Не беда, старик. Вот у меня было 98 с половиной, когда я вернулся, – поделился Майк. – А теперь, видишь, 99 с половиной. Вот меня и допустили. Время пройдет и личность вернется. Она всегда возвращается, когда тут среди людей потрешься. Как говорят в народе: от себя не убежишь. Пустят тебя, не переживай.

Майк дружески хлопнул его по плечу и, не скрывая радости, помчался на Землю. А Глеб прибрал в коридоре и в каютах и как следует напился, впервые за все время. А наутро, скрежеща зубами от злости, поднял корабль и направился к Фебе, самой удаленной луне Сатурна, куда не заглядывают ни туристы, ни инспектора, где никого нет, где никто никому

не нужен. Зато там есть лед, обычный водяной лед.

2

Пила неохотно входила в лед, пуская фонтан кристалликов вверх, в иссиня-черное небо. Там кристаллики сверкают и смешиваются со звездами. Часть их навсегда улетает в космос, но многие повертевшись в вышине, медленно ниспадают назад. На один ледяной куб в пару тонн у Глеба уходило по полчаса. Зудящий омерзительный звук проникает в руку и сводит жилы. Работа долгая и нудная. Отчасти бессмысленная. Ежедневный тупой и бессмысленный труд. Встал, принял душ, поел, пошел пилить. Вышел в вечную тьму со звенящими брызгами искр, потоптал серое крошево, позудел пилой, вернулся, поел, принял душ, почитал, уснул. День за днем. Без спешки. Но куда спешить? У него в запасе вся вечность, ведь правда? Он кинул взгляд вверх. Россыпи звездной пыли не ответили.

Шесть ледяных кубов уже лежали внизу, и теперь, Глеб, отдуваясь от пота, заканчивал седьмой. Лед – это вода и воздух, это жизнь и топливо. Космический лед дарит скитальцу свободу от станций заправки, опустошающих и без того скудный кошелек, свободу от назойливых, как осенние мухи, инспекторов безопасности и их предписаний – в большинстве своем денежных опять же. И, наконец, лед – это свобода от горьких мыслей о собственной беспомощности. Хвала Создателю, что он оставил нам простой лед в космосе, что-

бы мы не во всем зависели от Земли-матери с ее капризным правительством.

На лунах с пониженной гравитацией «проблема ледоруба» заключается в том, что сложно передать усилие на полотно. Лучший способ для решения – выстрелить распорным колышком в лед и зафиксировать свое тело ремнем с двумя карабинами. Упираясь ногами в поверхность в распор с ремнем, можно создать требуемое усилие на полотне пилы с высокой точностью. Вышеуказанный способ дает возможность сделать полтораметровый пропил. Затем надо вытащить колышек, закрепить дальше и продолжать предыдущий пропил, отступив сантиметров сорок от его границы... но это детали. Из-за слабого освещения зрение иногда сверхобостряется, так что видишь как кошка в темноте, и даже кажется, что предметы испускают свое свечение – все воспринимается очень интенсивно. А иной раз, особенно при длительных физических нагрузках, темнеет в глазах до того, что и звезд не видно – одна первобытная тьма.

Не успел он допилить до края, как трещина ломаной линией перечеркнула глыбу и ближняя ее часть обретя самостоятельность поползла на пристегнутого Глеба, увлекая его своей массой. Глеб на ощупь, лихорадочно, с третьей попытки, отстегнул карабин пятясь назад, оступился. В следующее мгновение он уже летел вниз на дно ущелья, вновь обретя зрение. Отломившийся пятитонный, если не больше кусок лениво последовал за ним.

– Вот, черт! Как неудачно, – выругался вслух Глеб.

Падение само по себе не беда, высота небольшая, метров четырнадцать. Но если накроет несколькими тоннами льда, то смело ставь сверху крест – никто не найдет, кроме заблудившихся пьяных туристов. Воздуха в скафандре часов на 10, не больше. Ближайшая станция за миллионы километров отсюда вращается себе вокруг Сатурна.

Мысли пронеслись в голове отчетливо и ярко. Внизу осыпь – ледяная стружка. По краю осыпи беспорядочно лежат сброшенные им кубы, за ними стоит грузовик с пятном света на полупрозрачной кабине. Тело медленно падает и поворачивается. Картинки перед глазами перемещаются: глубокое ущелье, ледяные языки с отвесными стенами, ломаный горизонт – все это опускается вниз, вытесняемое небом с желтой искрящейся горошиной Солнца, а за ним приближается чернильный прямоугольник, почему-то напоминающий надгробную плиту.

Он упал на спину, хвала богам, на осыпь и успел оттолкнуться вперед, чтобы выскочить из-под опускающейся сверху громады. Почти успел. Что-то хрустнуло, во рту появился соленый привкус, а тело утонуло по грудь в мягком крошеве вдавленное глыбой – не пошевелить ни рукой, ни ногой, даже вдохнуть тяжело. Неужели что-то с позвоночником, ведь что-то там хрустнуло в спине.

Вот как бы и все. Нелепый конец для астронавта с двадцатилетним стажем. Глеб саркастически усмехнулся. Несправедливо изгнанный, неприкаянный с тоской о Даме сердца, придавленный льдом глупого упрямства и отчуждения, лежит здесь. Воздайте почести Рыцарю Одиночества! Приблизительно такой будет эпитафия на табличке под крестом. В который раз Вселенная продемонстрировала ему кто он и где его место. Значит такова его участь. Бессмысленно продолжать бороться, когда бороться уже не за что. Не хочется ни думать, ни двигаться. Просто лежать.

Из всего звездного великолепия, рассыпавшегося перед глазами, Глеба привлек маленький ковшик из некрупных и далеких звезд.

Созвездие Дельфина он разглядывал в небе на берегу Ливийского моря, в одну из его последних ночей на Земле. Он почти также лежал на спине, затылком упершись в песок, а Лисс, милая нежная Лисс, так восхитительно положила голову рядом... Тогда его сердце еще было целым. Оно стучало, билось, стремилось и боялось Веги, разлуки, расставания и страстно желало исполнить свое предназначение. Разрывалось. Глеб и Лисс боялись не то что говорить о скором расставании... даже думать об этом, казалось им сейчас кошунством. Здесь и сейчас, когда они вместе, рядом, уместно только молчать и раствориться друг в друге на песке, под

плывущей в прозрачных облачках теплой Луной, с сухим и пряным дыханием ветра, с тихим шипением волн. Все было так хрупко, мимолетно, неотвратимо.

Когда это было и с кем? С 97-ю процентами оставшейся личности или с тремя потерянными? Было ли вообще?

Тихо здесь в снегу под надгробием. Никакого прибоа и ветра. Легкий звон осыпавшихся снежинок о стекло шлема. Они падали, вертелись и искрились на фоне черной пустоты, и теперь, соединившись с поверхностью, затихли в бесконечно долгой паузе. Миллионы, если не миллиарды лет, ничто их не потревожит. Тишина, расправившись со снежинками, потекла в уши заложив их ватой, а оттуда по всему телу, заполняя собой все к чему прикасалась. Вечная ночь жгуче-холодным щупальцем анестезии проникла к ноющему сердцу, превращая его несчастливую историю в еще одну форму среди льда и камня забытого планетоида, в еще одно неприметное произведение кисти Госпожи Вселенной. Она привела его ум к безмыслию и отрешенности, как изначальному, вездесущему и основополагающему факту творения. Только вот сами собой всплывают из небытия неестественно яркие воспоминания, живые, пугающе живые.

Тогда, девять лет назад Глеб хоть уже и не был исполнен

оптимизмом, но с надеждой глядел в будущее. Он считал Землю родным домом, а поиск – делом своей жизни. Полет должен был продлиться три года, не больше, и в конце они оба ясно видели Возвращение, Встречу. И тогда, уже никакая сила не могла бы встать на их пути... Он будет в одной команде с Лисс. Они вместе будут изучать дальние миры и возвращаться на Землю. Это их мечта, каждого, обоих.

Проводы в рейс проходили с формально-траурным оттенком, с торжественной музыкой и такими же речами. Доисторический Мирный, промозглая осень, поникшие флаги, на мокрой от дождя площади стояла команда из двенадцати человек, а напротив сотня провожающих: родственники, друзья, коллеги и журналисты. Глеб стоит, чувствуя себя одиноким – Лисс не пустили в экспедицию... и даже не отпустили с работы. Ее нет среди провожающих. Она не близкий родственник, не жена. Так ей объяснили. Мировое Правительство борется с перенаселением всеми способами, например, запрещая замужество до рождения ребенка и уплаты с него первой пошлины. А пока ты не жена, ты не родственник, и тем более не близкий. Так что сиди и работай, пока не уволили. Желающих много, иждивенцы небось есть?

Глеб просил Василевского сделать для них исключение. Тщетно. Василевский не ее начальник, он не может советовать коллеге из западного отдела, как ей обращаться с сотрудниками. Но он честно позвонил туда. Ответ был

таким же: «желающих много», «иждивенцы есть», «пока не уволили», «нет права», «порядок есть порядок»...

Сутулясь и кутаясь в плащ, начальник прошел вдоль строя вдохновленных поисковиков и пожимал всем по очереди руки. Ваня Бессмертников, Джим Стоун, Люсия Жерак, Анто Петрович...

Загробный низкий голос диктора вещал из громкоговорителя:

– Сегодня, мы провожаем в поход наших лучших астронавтов, доверив им нести на своих плечах нашу мечту о новой Обители для Человечества, о Великом Познании. Сейчас, когда на Земле 50 миллиардов жителей, кто-то должен найти «Новый Дом Человечества», чтобы решить острейшую проблему современности, вдохнуть новую жизнь, новые надежды. Мы будем гордиться вашим подвигом, друзья! Вашим подвигом будут гордиться ваши семьи! Пусть, покидая на годы Землю, вам будет легко на душе при мысли о том, что вы совершаете великое дело, что наше Агентство заботится о ваших родных и близких, которые с гордостью и терпением ждут вас, пусть вас укрепит и поддержит в трудную минуту понимание великой цели, которая поставлена перед вами, и которой достойны вы, лучшие из лучших...

Диктор продолжал бредить, но уже никто его не слушал.

– Мы не прощаемся с вами, ребята, кх... – кашлянул диктор и стало впервые понятно, что это живой человек. – Мы говорим до свиданья, до встречи, удачи вам! Родина ждет

вас! Человечество верит...

Глеб медленно присел на корточки, коснулся ладонью мокрого бетона и прикрыл глаза, просто мысленно прощаясь с Землей, не зная, что прощается, похоже, навсегда. Из дюжины астронавтов только трое вернутся домой. Только трое...

Первые звонки уже тогда раздавались, но никто не воспринял их всерьез. А кто будет серьезно относиться к показухе, бюрократической возне чиновников, когда проблема перенаселенности Земли не решена? До сих пор, ни одной планеты пригодной для полноценной жизни еще не найдено, и вопрос о глобальном переселении стоит все также остро. Поиск нельзя остановить. Рано или поздно, ему или кому-то другому удастся найти НДЧ, но для этого ведь кто-то должен его искать...

– Ха, ха, ха, – отрывисто и издевательски продекламировал нынешний Глеб прошлому Глебу. И от этого ему захотелось рассмеяться уже по-настоящему. Но какой прок копать в прошедшем? Другое время – другие мысли. Он никогда не гнался за престижем и славой, ни ради денег, ни даже ради места на Земле, он просто следовал своему предназначению, с самого детства. Иначе не мог и представить. Мы свободны только когда ищем знание. Мы ищем знание потому что свободны.

Времена... Да, они часто меняются, и что поделаешь: кому-то повезло успеть в свое время, кому-то повезло попасть в новое, а кому-то не повезло совсем. А может быть им повезло не увидеть нового времени?

Он судорожно сглотнул комок застрявший в горле. Пальцы на руках и ногах все же ожили. Надежда на перебитый позвоночник, и таким образом легкий девятичасовой выход из затянувшейся, как ему казалось, игры, к огорчению Глеба, не оправдалась. Значит нехрена тут раскисать, нехрена валяться! Вперед, капитан, надо грузить ваш лед, вы ведь заказывали? Заказывали свободу и знание? – Извольте! Глеб напрягся и сумел высвободить правую руку. Теперь можно себя немного выкопать. Если чуть извернуться и выгрести это серое хрустящее крошево из-под себя, то вполне реально и вторую руку освободить.

С тех пор, когда ему так и не позволили вернуться на Землю, его гложет только один вопрос: что же случилось с Лисс? Она развела мосты, оставив его в прошлом? Ну зачем ей скрываться, он бы понял и принял все. Лисс, хрупкая и ласковая, решительная, горящая и рвущаяся к звездам. Ее мечта меньше всего походила на бесплотную и отвлеченную фантазию. Это был отчаянный поиск выхода из круговорота земных несправедливостей. Прямая и решительная, бескомпромиссная... Такие люди все еще рождались на Земле и чаще всего не могли приспособиться к нормам, принятым

в обществе конкуренции и потребления. Они старались избрать стезю максимально далекую от этого общества. Больше всего таких было в поисковом братстве. Воинствующие идеалисты, самоотверженные иногда до глупости, мечтатели и романтики, ищущие высшей правды у Вселенной или пресловутый НДЧ. Во все времена они были, и всегда их было не так уж много. Иногда они ошибались. Иногда они открывали. Иногда создавали подлинное и вечное. Иногда пропадали в безвестности и забвении. Одной из этого племени была Лисс.

Возможно ли, чтобы она сильно поменялась за эти годы? Чтобы ее очарование космосом прошло и она избрала более правильный по человеческим меркам, земной путь: вышла замуж, родила детей и теперь живет на каком-нибудь прекрасном острове? Сам же уговаривал ее, из-за страха потерять...

Пусть так. Но неужели теперь прошлое кажется ей столь постыдным? Неужели ее мечта и все, что с ней было связано, внушает сейчас ей отвращение?

Нет, не может быть, – не верил Глеб. – Никогда она такой не была, и не стала бы. Что-то произошло...

Пробовал он навести справки и через знакомых в АКПО, еще в прошлом году, как только прилетел, и позже, но тщетно. В Агентстве напротив ее имени и фамилии стоит скупое:

«нет данных». Кто-то сказал, что так бывает по требованию самого сотрудника, когда он хочет закрыть свое личное дело для любопытствующих.

Знать бы, что у нее все хорошо. Хочется верить, что она живет где-то там, на прекрасном острове, ничего не знает и счастлива... и тогда можно спокойно забыть. Забыть, конечно, не получится, но хотя бы просто успокоиться. Только вот почему-то каждый день она является ему в снах и просыпаясь, он задает в пустоту одни и те же вопросы: где ты? что там с тобой? – Без ответа. И чувство такое, что нет у нее счастливого острова.

Глеб насилу выполз из-под глыбы и поднялся на ноги, отряхиваясь:

– Хватит умирать. Давай, парень, займись делом!

Лед тяжелый, медленный. Его надо поднять и толкнуть, чтобы попал в слегка помятый кузов грузовика. Потом повернуть, чтобы места меньше занимал. То же со следующим куском.

«Наверно, я похож на Сизифа, – отметил про себя Глеб. – Но мне лучше, чем ему. У меня хоть перспектива есть, эдакая свобода выбора. Вялая, конечно, но все же».

Каждое действие дается не просто в условиях низкой гравитации Фебы. Но Глеб приспособился. Перекинул стропы с борта на борт, принайтовав груз, залез в кабину. Грузовик покатился, затем приподнялся над поверхностью и засколь-

зил вперед.

– Ну вот! Пилу забыл! – опомнился он, повернувшись к подсвеченному серому склону ледника. Возвращаться не хотелось. Еще ходку надо точно сделать. А пока, пусть по-лежит.

Из покрытой трещинами кальдеры грузовик вынырнул на плато. Темный и гладкий базальт переливался под косыми лучами Солнца серыми пятнами. В этом месте кто-то оплавил кусок неровной поверхности планетоида, испещренной кратерами. Невдалеке, где-то в километре прямо по курсу, поблескивал силуэт крейсера.

Грузовик вкатился в распахнутый зев ангара. Расстегнув стропы, Глеб вывалил блоки из кузова. Теперь их надо поместить в плавильню, где лед будет очищен и переработан. На выходе получим запасы собственно воды, воздуха и топлива для реактора. Без этого никаких перелетов уже не видеть, как своих ушей. Если ресурсы истощатся, то и все системы жизнеобеспечения прекратят работать. «Далекий зов» погрузится во тьму и небытие. Остывание происходит довольно быстро, особенно здесь, на лунах Сатурна, где солнечного света мало.

Что ни говори, но когда трюмы ломаются от припасов, сердце капитана в радости, что бы ни происходило вокруг. Само сознание того, что в любой момент можно оторвать эту машину от грунта и запустить далеко во Вселенную – это и есть

почти свобода.

– Да, – утвердительно кивнул себе головой Глеб, закрыв крышку плавильни и опустив вниз рубильник. – Все же, ходки две хотя бы еще надо сделать.

Вот так, мало-помалу, но за пять месяцев каторжной работы на леднике он практически компенсировал свои потери от предыдущих рейсов, с «туриками».

Плавильня автоматически откинула крышку и оттуда вылетело облачко остаточных газов. Глеб уперся в очередной куб и столкнул его в агрегат. Посмотрел на рукав скафандра, где на табло высветилось 8 часов автономности. Можно сгонять за следующей партией, встретиться с пилой, а то вдруг кто унесет?

Из-под горизонта вылез дедушка в шляпе – Сатурн, размером поменьше земной Луны, но ощутимо добавивший бледного свечения на плато. Глеб бодро отъехал от корабля и притормозил лишь перед краем, разыскивая вход в глубь кратера.

«Нет, все-таки я счастливчик», – успокаивал себя он. – «Во-первых, делаю свое дело. Во-вторых, до сих пор живой. В-третьих, при мне остался мой любимый корабль! Хотя пару лет все еще должен дослужить по контракту, но уж потом...»

Машина осторожно лавируя между скалистых выступов

спустилась по трещине вглубь кратера и впереди показалась опостылевшая стена льда. Глеб развернулся, задом опустился на грунт и подкатил грузовик ближе.

«... потом космически свободен. Космически независим. Космически!» – смаковал вслух Глеб. – «В одно место только нельзя почему-то... домой нельзя, а так свободен на всю Вселенную. И где же там ты будешь тратить свой гонорар, капитан?»

Ни одна звезда не ответила, даже не подмигнула.

Глеб запрыгнул на верхний край ледника и схватил фосфоресцирующую красным рукоять пилы, торчавшее чужеродное творение человеческих технологий. Никто ее почему-то не взял. Либо тут никого нет, либо пила безнадежно устарела – одно из двух.

Семейные предания сохранили историю о том, как некий пращур Глеба на лесоповале в Сибири умудрялся писать диссертацию о природе времени. И после освобождения, когда его отпустили, он тут же пришел ее защищать. И защитил. Немного в урезанном виде, чтобы снова не посадили его голубчика за вольнодумство. Как он смог это делать, ведь физическая работа отупляет, – загадка. Но сейчас тупость идет Глебу на благо – нечего ковыряться в себе. Кстати о природе времени. Если ничего не происходит, то оно превращается в лед. Интересно, сколько льда произвели последние

полгода его одиночества? Вопрос с подвохом.

Три часа работы подарили ему еще восемь кубов. Ответ неверный, но производительность растет, с удовлетворением отметил Глеб. Аккумулятор пилы подсел, и она зудела уже не так бодро, приобретая подростковую басовитость. Столкнув лед вниз, он, не выпуская из рук орудие труда, спрыгнул сам. Прыжок завершился мягким шуршащим объятием снега.

Снова он молчал восстанавливая дыхание и слушал звон падающих льдинок, глядя в бесконечность звезд, ожидая то ли ответа, то ли одобрения. Наверное подобные чувства в лунные зимние ночи, заставляют волков петь, выглядывая из-под густых ветвей заснеженной ели. Сердце еще стучало в ушах, но все тише и спокойней.

– Пш-ш-ш тцик-цик пш-ш-ш ттцик-цик пш-ш... – Глеб случайно задел переключатель радиостанции на рукаве скафандра и тот начал сканировать частоты. – фью-у-у-у-о-о-о пш-ш-ш ттцик-цик...

Стоп! Хватит, нет там ничего. Глеб выключил радио. Нет ничего, в тьме и хаосе первозданного мира. Маленький заблудший человечек, микроб, молекула на корявом каменном булыжнике, летающим вокруг не крупного сгустка газа, рядом с неприметной искоркой, такой же как миллиарды сестре и собратьев брызнувших из костра творения и тут же по-

гасших когда Создатель поворошил угли.

Старая знакомая тишина, плотная и давящая, вернулась и окутала его покрывалом. Молодых она пугает. Пугает своей плотностью, вечностью. Встретив ее впервые начинаешь осознавать, что такое человек. Ничто. И даже человечество в целом перед ней пустое место. Но когда живешь с ней так долго, понимаешь, что она воспринимается давящей только потому, что ее надо впустить в себя. Точнее – услышать внутри себя. Именно услышать внутри себя. Запоминайте и записывайте эксклюзивный рецепт от бесконечности!

Но сейчас внутри Глеба спасительной тишины уже не было. Из темного первозданного океана Госпожи Вселенной всплыл еще один сверкающий осколок памяти.

3

– Ты на Земле смотришь в космос, а в космосе мечтаешь вернуться на Землю? – спросила Лисс, наклонившись к нему.

Ее волосы коснулись его лица, и он видел только изгибы ее тела, подсвеченного лунным светом, и она была прекрасна, восхитительна и таинственна.

– Я? – удивился Глеб. – Не знаю. Наверное.

Ветер зашелестел кустами, и цикады смолкли на миг, а потом запели с новой силой. Глеб приподнялся на локте и опрокинул Лисс на спину:

– Пожалуй, лучше буду разглядывать тебя. У тебя такие красивые глубокие глаза, синие как небо... Буду смотреть в них вечно и здесь, и там...

Тишина пробралась внутрь. Давление исчезло, словно вытекла вода из ушей. Где-то глубоко Глеб различил ровный очень низкий гул. Гул этот нарастал, и стали слышны отдельные звуки, слагающие его. Неужели так звучит Феба? А за гулом Фебы вновь сочилась космическая тишина, еще более глубокого порядка. В глазах потемнело, а потом на периферии зрения заплясали языки далекого пламени.

Это было, когда они только познакомились. В первый раз, познакомились по-настоящему. Глеб вернулся из очередно-

го рейса, взял отпуск и получил путевку. Точно такую же получила одна хрупкая девушка из другого отделения Комитета. Их поселили в соседние номера одной клубной гостиницы. Там, в коридоре гостиницы, они и столкнулись, лицом к лицу, одновременно выходя из своих номеров. Между ними сразу вспыхнуло нечто: какая-то связь, чувство, будто они знакомы много лет, что-то родное и общее, далекое и ослепительное. Глеб растерялся, чуть не утонув в ее глазах, и не зная как зафиксировать момент, перевести в знакомство ляпнул:

– Э... такое чувство, что я вас знаю...

Она удивленно улыbnулась, уже почти открыла рот, но ничего не нашлась сказать. И тогда, Глеб сымпровизировал:

– У вас что-то с замком? Давайте помогу.

С замком и дверью все было в полном порядке. Она засмеялась, словно уже знала все, что будет дальше. Но Глеб обрел некоторую наглость и представился. Она засмеялась еще больше, абсолютно сбив его с толку, но вскоре, успокоившись, протянула руку. Дело оставалось за малым.

В тот же вечер они сидели в каком-то баре, под навесом из сухих, шуршащих от ветра, пальмовых листьев. Лисс забралась с ногами в кресло рядом и, хитро улыбаясь, смотрела на Глеба. На ее лице и в глазах плясали игривые отблески от огня, горевшего на треноге рядом со столом.

– Интересно, как у тебя все началось? Зачем тебе дался

этот космос? Зачем ты пошел летать? Что это было: мальчишеский героизм или прагматичный расчет заработать побольше денег, или может быть дань моде?

Глеб недоуменно улыбнулся, продолжая с наслаждением рассматривать Лисс. Она накинула на себе на плечи изумрудно-зеленый палантин – подуло с моря – и выпрямилась.

– Я полагаю, что мальчишеский героизм. Стремление стать загадочным недоступным героем, покорять сердца девушек и ловить завистливые взгляды других мальчишек, – решила она. – Так?

Она придвинулась ближе, глядя исподлобья и, изображая допрос, повторила:

– Ну-ка признайся, ведь так?

– Конечно... – вздохнул Глеб.

– Конечно что? – не унималась Лисс. – Давай, признавайся, старый волк!

– Конечно нет, – подумав секунду ответил Глеб.

– Не верю, – фыркнула Лисс. – Не верю, не верю, не верю.

Пока не объяснишь, даже не надейся!

– Ну... – замялся Глеб, пытаясь понять и вспомнить свои детские чувства. – Просто я всегда знал, что это мое. Даже не знаю как сказать... Нет, однозначно не героизм. Лучше ты скажи, что тебя привело к этому? Девичий максимализм?

– Ты нарываешься на грубость... – обиделась Лисс.

– Нет, я правда хочу понять. Может мне проще будет выразить свои чувства...

Лисс отвернулась. Глеб испугался, что она и вправду обиделась, что она замолчит, но Лисс повернулась к нему и изменившимся голосом сказала:

– Я родилась и жила в большом городе. Ты либо лезешь вверх, распикивая тела врагов и топча трупы, либо просыпаешься в помойке от презрительно давящих тебя каблучков других неудачников уровнем чуть выше. Там не бывает победивших, только те, кто еще имеет силы карабкаться, и те, кто уже упал. Мои мать с отцом работали всю жизнь в какой-то унылой конторе, до смерти боясь увольнения. Вся жизнь моих родителей и моя жизнь была расписана по часам, по дням, по годам, подчинена вечному страху опоздать, опозориться, потерять место, неосторожно повернуться спиной к соседу, не угодить боссу... Самое страшное для них, да и для меня, было оказаться без работы и средств. Они, как и большинство, не имели возможности выйти на пенсию. Увольнение равнозначно потери дома, а за этим совсем близко до какого-нибудь человечника вроде D-546 напротив наших окон. Ты видел хоть раз D-546?

– Не припомню что-то... Их в Европе строили?

– Их начали строить лет пятнадцать назад. Такие пирамидальные дома-города, где можно весьма недорого уютиться в камерке и считать, что живешь в раю, благодаря кибернатики. Ты знаешь, что кибернатика это будущее человечества?

– Это написано на каждом столбе. Везде дурацкая реклама...

– Я не хочу жить в страхе, как мои родители, и тем более, в таком будущем. Я думала, что наверху... – она указала в небо. – Живут другие люди. И их поступки настоящие, когда делается выбор между жизнью и смертью, а не как угодить начальнику и выслужиться, как точно и расчетливо убрать конкурента, выверив каждый шаг, и исполнить свое расписание длиною в жизнь. Неужели ты не видишь, как глупо и бездарно устроена жизнь на Земле?

– Разумеется, вижу. Видел, – поправился он. – И как?

– Что как?

– Ты нашла то, что хотела?

– Ты не ответил на мой вопрос и уже смеешь мне задавать следующий? Ах ты, паразит, – и Лисс шутливо подергала его за ухо. – Так что же тебя влекло? Нигилизм? Героизм? Деньги?

– Нет-нет... Я думаю это что-то близкое к слову... – Глеб задумался, опустив лицо вниз, а потом посмотрел ей в глаза. – Тоска.

– Тоска? – переспросила Лисс.

– Печаль, тоска. Э-э... Что-то в этом роде.

– Значит, когда ты здесь, ты тоскуешь о космосе? А там – счастлив?

– Нет, я не тоскую. Я могу быть вполне счастлив. Только она везде одна и та же. И здесь и там.

– О чем? О чем тоска?

– Думаю о тебе все время...

– Послушай, ты издеваешься надо мной! – обиделась Лисс.

– Я тебе, засранцу, всю подноготную, а ты?

– Подноготную? – переспросил Глеб.

Она не ответила, но в ее взгляде возникло нечто, говорящее, что совсем рядом уже серьезная черта, и если ее переступить, она молча встанет и уйдет. Глеб покрутил в руках стакан с коктейлем, чувствуя неловкость и даже некоторую вину, поставил его на стол.

– У меня как-то по-другому складывалось, – поспешил ответить он. – Я родился в семье поисковиков в рейсе. До трех лет пребывал на корабле. Потом случилась авария, мои родители погибли, а я выжил. Меня нашли спасатели и переправили на Землю, к дедушке и бабушке. Вот их самих, дом в лесу я помню хорошо. Они растили меня, рассказывали о поиске, о людях поиска, о людях-богатырях, людях-святых, о тех кем восхищались они сами. Они тоже поисковики в прошлом. Видишь? – у меня бродяжничество в крови. Я с детства мечтал о поиске, о том, что когда-нибудь найду своих погибших родителей, они будут живы, и мы вместе откроем новую красивую землю. Я никогда их не осуждал.

В шестнадцать я сдал экстерном школу и отправился в город поступать на пилота космических кораблей. Закончив магистратуру, остался для продолжения научной карьеры и стажировки на поисковика. На тот момент мне стало окончательно все ясно относительно моей жизни. Я открыл для себя социум и понял, что люди бывают разные. А хорошие

люди, как те, которыми я был окружен в детстве – редкость. Дальше стажировался, стал вторым пилотом, и был принят Агентством в поисковый отдел в восточно-европейском филиале. После трех экспедиций стал капитаном.

– Значит, твоя тоска детская о родителях стала чувством вселенской неприкаянности, – заключила Лисс.

– Я сам не знаю, так откуда тебе знать?

– Ну извини, – смутилась Лисс. – Просто, по твоим рассказам, можно сложить самое радужное впечатление...

– Думаю, каждый человек имеет достаточно оснований как любить, так и ненавидеть этот мир. Но тоска, о которой я говорил тебе, она не об этом. Это не жаление себя, такого бедненького лишённого в детстве родителей, и не романтическая муть о светлом мире где-то далеко на краю вселенной.

– А что плохого в далеком светлом мире? – стало ясно, что последняя сентенция основательно задела Лисс.

– Как таковом – ничего плохого, если он существует. Плохо, если мы придем туда и, как обычно, приспособим его под себя. Тогда нам придется искать следующий край Вселенной и следующий светлый мир. И еще, то плохо, что пока мы его ищем и мечтаем о прекрасном будущем, то под своим носом ничего не видим.

Лисс минуту молчала, поджав губы, а потом сказала:

– Проповеди читать у тебя получается. Что ж ты не остался на Земле и не сделал ее лучше, «под своим носом», как

ты выразился, а все норовишь удрать куда-то? Уж не за далеким ли светлым миром?

– Честное слово, Лисс, я чувствую себя на своем месте и никуда не удираю! – Глеб погладил подлокотник своего кресла и простодушно улыбнулся. – И по мере сил стараюсь... А тоска... о светлом ли далеком? Нет, даже не тоска это. Скорее, это внутреннее недовольство собой, ощущение несовершенства, неизвестности, незавершенности. Нет, не то. То есть не только. Ну вот, ты меня окончательно запутала! – засмеялся он.

– А я вот убегала, убегаю и буду убегать и искать светлый мир на краю Вселенной! Может быть я сумасшедшая?

Лисс встала с кресла, уронив с плечика палантин, и взяла его за руку.

Они танцевали без музыки, кружа древний танец под дуновение ветра, под шорох листьев, и в паузах между ними под шум прибоя и пение цикад, начав быстро, а потом замедлившись и остановившись. Глеб обнимал ее гибкую талию, теряясь в глубине ее глаз, она придвинулась ближе, прижалась и провела пальцами по его щеке. Отчаянно стучавшие сердца замерли соприкоснувшись. И стало так сладко тягостно, и одновременно легко, и вечно, и ясно. Ясно, Лисс и он были созданы друг для друга, как говорят. Но разве словами скажешь? – Не скажешь.

И они молчали. Смотрели друг на друга, смотрели друг другу в глаза и улыбались, словно получая невидимое под-

тверждение. Это я, это ты, это мы. Наконец-то мы.

Вечеринка продолжилась купанием в ночном море. А после, они, смеясь, вышли на берег и упали на песок, глядя на огонек бара в пахнувшей душистыми травами и дымком темноте берега. По ногам прокатывалась волна, Глеб смотрел на Лисс и все думал о ее светлом мире. Может быть она права, если не верить в этот мир, то и стремиться некуда?

Глеб подвинулся к ней ближе, обнял и прошептал:

– Наверно ты права... – он хотел еще добавить, что все-таки необязательно светлый мир расположен далеко в космосе, но тут пришла большая волна и накрыла обоих с головой шуршащей пеной...

Непроницаемая глухая вата заполнила все вокруг. Исчезло даже ощущение тела, стук сердца. В абсолютной тьме он вдруг ощутил себя как нить тянущуюся куда-то вперед. Он не сопротивлялся движению, пока Вселенная не проявилась в темноте, похожая на бездонный океан, на блестящей поверхности которого находилось все видимое. Но поверхностью дело не кончалось. Нити звезд и его собственная нить утончались и терялись в темноте, а впереди к нему приближалось нечто, какое-то сплетение, от которого уже не уклониться. Блистающая поверхность пришла в движение и стала меняться, словно вода под порывом ветра.

Внезапно все исчезло, и он ощутил себя напряженно вспоминающим о видении и пытающимся его разгадать. Глеб потряс головой, смахивая галлюцинацию, и рывком вскочил на ноги.

– Грузи, давай, – зло приказал самому себе.

Он выехал на плато и остановился. Почудилось движение, присутствие. Глеб осмотрелся по сторонам, а потом краем глаза отметил что-то вверху. Там, по Млечному Пути двигалась яркая точка. Она прочертила все небо и ушла за горизонт. Глеб спешно включил сканирование радиочастот на рукаве скафандра. В шлеме раздался треск и шуршание. И ничего.

– Мимо, – прокомментировал он с ноткой недоверия.

Но интуиция не подвела. Над темным силуэтом «Далекого зова» как из небытия вынырнул корабль метров пятидесяти длиной. Гость на секунду другую замер над неподвижным крейсером, а потом полетел по направлению к грузовику и завис невдалеке. Парящий светло-серый кирпич со скругленными углами и оранжевыми выпирающими ребрами жесткости выдавал модель «Беркут», использовавшуюся для погрузочных работ. Довольно универсальная и экономичная машина, хороша и для лун с низкой гравитацией, и для некрупных планет. Такими комплектуют большие беспосадочные станции. Сам по себе «Беркут» здесь оказаться не мог, энергоемкость маловата для межпланетных путешествий. Внутри у него лишь тесная сидячка, кабина с десятью креслами. Основное же помещение – обычный ангар, куда не выйдешь без скафандра. Стало быть, где-то рядом его домашняя станция.

Из двигательных установок вырвались огненные язычки, фиксируя положение «Беркута».

– У нас гости, – сказал Глеб по основному каналу. – Велкам, бразэрс!

Боковая дверь съехала в сторону и в проеме загорелся белый свет.

– Господин Одинцов? – поинтересовался веселый мужской голос.

– Да, это я, – ответил Глеб.

– Меня зовут Андреас Джефферсон. Я пилот погрузчика, от станции «ДжейСервис». Вам груз, капитан.

– Груз? – настороженно переспросил Глеб.

– Да. Я сброшу здесь, если не возражаете.

– Но... я не заказывал груз...

Фигуры в проеме засуетились, и вниз один за другим полетели контейнеры.

– От кого груз? – опешил Глеб.

Пилот Андреас не отвечал, а Глебу почудился смешок на том конце.

Всего Глеб насчитал десять контейнеров. Теперь они смотрелись разбросанными игрушками шаловливого ребенка-великана.

«Беркут» подлетел еще ближе и завис в 20 метрах почти над головой Глеба. Из проема наклонились вниз к Глебу пять фигур в скафандрах, махали руками и улюлюкали.

– Может, в гости зайдете? – пригласил Глеб. – А то как-то неловко даже...

– Нет-нет, – ответил Андреас. – Мне сейчас надо поспеть на следующий виток станции. Мы не собирались сюда залетать...

– Да, еще... Чуть не забыл! – заржал Андреас. – Прини-

майте пассажира.

Из транспортника, один из парней неловко выпал смешно махая рукой.

– Это я, Глеб!

– Майк? – растерялся и одновременно обрадовался Глеб. – Ну ты и юморист!

– Счастливо, парни, – попрощался Андреас.

– Доброго пути!

«Беркут» на ходу закрыл трюм и полетел прочь, набирая скорость.

Майк опустился, тормознув для порядка струей амортизатора, в паре метров от грузовика и молодецки развел руки:

– Здорово, старина! Не ожидал?

– Майк, – обнял его Глеб. – Вот уж правда, не ожидал!

– Давай-ка подберем груз, с Марса везу. А кое-что и подальше...

– Как ты добрался?

– Нормально. Ехал на перекладных. Посчастливилось встретить старого знакомого, и меня изволили подбросить. Они как раз к Титану летят. Как тебе мое появление?

– Да я чуть дар речи не потерял! Прилетают непонятно кто, кидают какие-то ящики... Черт знает от кого, и еще неизвестно, какой потом счет предъявят! Что за подарочный набор от неизвестного благодетеля? И тут еще и пассажир в придачу!

– Надеюсь, я не слишком потревожил тебя своим появле-

нием?

– Я думаю, что твоей массы будет недостаточно, чтобы Феба упала на Сатурн!

Майк захохотал:

– Не знаю, как ты разглядел через скафандр, но я и впрямь слегка поправился.

– Это что, посылки от тещи? – спросил Глеб, укладывая контейнеры с розовыми полосками на свои кубы. – Довольно тяжелые...

– Здесь в основном провизия и еще кое-что по мелочи. Я тебе потом расскажу, в порядке очереди. Ты, старина, совсем заматерел, одичал. Перешел на подножный корм?

– Я с него и не сходил.

– Я про лед, – пояснил Майк.

– Ну да, я тоже. Надо же к природе приобщаться. Кстати, Майк, ты не против, если я предоставлю тебе возможность самому разместиться на корабле? Мне надо бы тут закончить работу.

– Конечно, как скажешь, капитан.

– Хорошо. Залезай, поедem на корабль, придешь в себя после дороги. Я думаю, разгрузка контейнеров может подождать до завтра?

– Разумеется, – согласился Майк. – Только контейнер номер пять мне надо взять с собой. Там у меня... тапочки домашние и халат.

– Зачет, – рассмеялся Глеб.

Контейнеры выложили из кузова, Майк со своим вошел в шлюз, и закрыл створку. Глеб вернулся к неоконченному делу. Лежавшие вразброс пять блоков льда он доплавил, скинул с грузовика восемь новых и поехал за последней партией.

Сатурн уже всюду блистал кольцами, наклонившись над горизонтом. В этом чудилось что-то издевательское. И ледник на этот раз поддавался плохо: пила уже разряжена, а чувства Глеба пребывали в смятении от встречи с приятелем. Хотелось все бросить и начать расспрашивать его о Земле, но так нельзя. Нельзя давать волю чувствам. Общение надо дозировать после столь долгого перерыва, а то и расплакаться недолго. Из одиночества, как из голодания, надо выходить постепенно.

Шестой куб никак не хотел отделяться. Пила уже еле-еле работала, да и усталость сказывалась. Глеб присел на него, отдыхая и глядя под ноги.

...Потом волна ушла. Глеб выпустил Лисс из объятий и она, смеясь, поцеловала его. Он ощутил невероятный страх за нее, за ее будущее, ее незащищенность и хрупкость перед холодным безразличием космоса.

– Я был там. Я видел. Там нет никакого края, Лисс. И светлые миры, если они и вправду существуют, то где-то слыш-

ком далеко, и люди не готовы найти их. Знаешь, Лисс, я хотел бы, чтобы сейчас, пока эта Земля еще твоя, пока ты в своем времени, ты жила бы здесь...

– А ты бы спускался ко мне между своими рейсами? – издевательски продолжила она.

Глеб покраснел, осекся, но продолжил с жаром:

– Неужели ты не понимаешь, что можешь потерять все это навсегда?

Лисс взглянула ему в глаза и прошептала:

– А ты неужели не понимаешь?..

Освободившись от скафандра, Глеб поднялся по трапу на третий ярус, в жилой отсек, и ступил на мягкую ковровую дорожку, принаравливаясь к притяжению. После пятнадцати часов на Фебе движения стали неловкими, неуверенными. Прошелся по кольцевому коридору, отметив, что Майк вселился в каюту номер 2, рядом с его каютой. Принял душ, побрился. Довольный собой, напевая что-то умиротворяющее, решил зайти на камбуз что-нибудь перекусить. Здесь его ждало потрясение: в центре стола почетно возлежал пирог в обрамлении яблок, рядом стояли банка с густо-золотым медом и бутылка красного вина. Майк, этот молодой добродушный балагур, с курчавой черной головой и вечно торчавшими в разные стороны прядями волос, широко улыбался и пританцовывал в фартуке. На его ногах и впрямь красовались домашние шлепанцы.

– Вино из захолустья, но очень хорошее, – пояснил Майк, снимая через голову фартук. – Я его везу тебе из одного райского местечка. Как же я им надрался как-то раз!

Глеб, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, потер лоб.

– Что за начинка? Просто потрясающая! – поинтересовался он, откусив кусок.

– Клюква, черника, еще что-то. Не поверишь, но кое-что собрал сам, – улыбнулся Майк. – Расскажи, что было после

моего отъезда? Как живешь?

– Ничего интересного, Майк. Мне объяснили, что после Веги мне такая страховка нужна, какую Агентство не в состоянии оплатить. Вот с чем связан отказ в визе на Землю.

– И ты что?

– Я впал в некоторое уныние и здесь нашёл себе временное пристанище. Решил заняться заготовкой льда и стать на время отшельником. Еще год с небольшим, и я буду совершенно свободен от всех обязательств по контракту с АК-ПО. Так что время на моей стороне. Ещё не решил, что буду делать потом, но никто меня уже никуда не пошлет и уже не прикажет. На Землю в любом случае не пустят. Вот и живу. Уныние прошло постепенно, но недоумение осталось.

– Слушай, а ты новости получаешь?

– Новости ловятся иногда и то обрывочно. Феба – закоулок, где никого толком нет. Ретрансляционная станция ближайшая на Титане. – Глеб махнул куда-то рукой. – Мне не от кого новости получать. Сам давай рассказывай!

Майк вожделенно потер руки, глотнул вина и, пригладив вихры, начал:

– Короче, дело было так. Прибыл в Лунариум, в карантин. Посадили в одиночку. Взяли анализы. Истыкали иголками спину и череп. Но на второй неделе одобрили содержимое черепа, выписали в общий изолятор с четырьмя дурачками с Ганимеда. Там отсидел еще пару недель, после чего вставили под кожу чип с паспортом, – он показал на лоб. – И от-

пустили. Некоторое время я шлялся по барам, да по девушкам. Сам понимаешь, после всего пережитого хотелось оторваться. Душа горела, хотелось скорей на Землю. Взял билеты на ближайший лайнер, потом рейсом в Германию – теплынь, лето, дождь! Ну, это лирика.

Зашел в Агентство. Там какое-то запустение царило. Кто в отпуске, кто в пространстве. Никого из знакомых не найти. Сидит молодая поросль, ничего не понимает, никакого уважения ко мне не испытывает. На третий день добыл-таки из них положенную путевку на Средиземное море, на Болларские острова. На Болларах познакомился с цыпой. Отличная девчонка. Она развела меня профессионально – к концу второй недели я после одной бурной вечеринки очнувшись в одних плавках на пляже и насилу добравшись до отеля, понял, что остался без денег. Вот дерьмо! Ее и след простыл. Пришлось лезть в кредиты. Полетел я в Канаду к друзьям. Думаю, леса, чистый воздух – тратить много не придется. Выхожу из самолета, ко мне подваливает некий человечиска и говорит: вы сколько времени планируете провести здесь? Я ему – месяц, а что? – А то, говорит мне человечиска, что каждый день здесь обойдется тебе голубчику в 170 эрт. – Это почему так? – Вот потому так, что вы на американской территории, а приписаны к Европейскому Агентству. Ну, я дней пять побыл там, посетил могилы предков, навестил друга моего детства и обратно вернулся.

Захожу снова в Агентство, получаю весточку от начальни-

ка нашего, Василевского. Оказывается, перевели нас в подчинение Комитета Безопасности. Мировое Правительство подумало-подумало и порешило, что слишком много у них забот и без Поиска, а безопасности ужасно мало. Василевский, сказал, что будто бы все это ненадолго, поиграют в безопасность и будя. Но, по слухам, дело обстоит иначе.

– А ты что думаешь?

– Не знаю. Террористы недавно взорвали лайнер, шедший на Меркурий. Народу погибло... Безопасность нужна, конечно. Но слишком перестраховываются. Визы зачем-то сократили – теперь никому, даже простым работягам грузчикам, транспортникам больше трех месяцев не дают. Да что там! – махнул рукой Майк. – В общем, погулял я, вернулся весь в долгах на Лунариум.

Тут вручают мне задание от Василевского доставить тебе груз и сообщить, что ожидает он тебя с «Далеким Зовом» на Тритоне. А знаешь ли ты что такое Тритон? – ликующе спросил Майк, потирая руки.

– Что такое Тритон? – спросил Глеб, перебрав в памяти все что он знал о луне Нептуна и не найдя причин для приступа воодушевления исходящего от Майка.

– М-м-м! Тритон... Это же самое туристическое место в Дальнем космосе! Там подзаработать – раз плюнуть...

Глеб недовольно поморщился.

– Ну да, я так и подумал, – слегка разочаровался Майк. – В общем, теперь нашего АКПО нет, а есть отделение Коми-

тета Космической Безопасности именно на Тритоне... Прикинь? Раз вы космос осваиваете, то и сидите-ка вы в своем космосе...

Глеб недоуменно почесал лоб.

– Значит, вызывают нас на Тритон? Обидно. Я-то надеялся оставить в покое.

– Да, капитан. Нам надо прибыть 18-го.

– Маневры... Разгон... – подсчитывал Глеб, зажимая пальцы. – Да, с запасом десять дней. Пара тонн воды.

Глеб закончив подсчет, отпил из бокала:

– Вино прелесть! Новости – хуже некуда. На кой черт нужны деньги, если на Землю толком не пускают?

– За выслугу пускают, причем пожизненно. Дают белый паспорт.

– За выслугу? – переспросил Глеб.

– Ну, если ты на хорошем счету у начальства, – начал перечислять Майк. – дают задание, и учитывают стаж, лет 20 должно быть, обещают белый паспорт. Выполняешь задание, отсиживаешь карантины, дают тебе пробно поселиться на Марсе в течении двух лет с ежегодным отпуском в три месяца, потом отсиживаешь еще карантины и наконец вручают белый паспорт истинного землянина.

– И никак иначе? – изумился Глеб.

– Нет. Теперь только так, – развел руками Майк.

Глеба вытер ладонью лицо, подавив негодование.

Майк допил свое вино и разлил еще.

– Что-то там нехорошее происходит, Глеб. Но к чему все это, я не пойму. Сначала филиалы сворачивали, теперь вообще все представительства Поиска упразднили. Значит, поисковики уже не нужны Мировому Правительству. Нашли видать, другие методы регуляции численности... Правильно. всех обучить да к чертям запустить на погибель, дороговато обходится, на одной идеологии разоришься.

– Тебе удалось что-нибудь узнать о Лисс? – спросил Глеб спустя минуту.

Майк вздохнул и поднял глаза, смотря прямо на Глеба.

– Раз числилась в АКПО когда-то, то теперь вся оставшаяся информация у Василевского на Тритоне. И я, поверь мне, ничего больше этого получить не в состоянии. Вот еще что...

На Лунариуме есть, оказывается, центр, где ведется учет и наблюдение за землянами. Называется загадочно: Центр Миграционного Контроля и Связи. Там работает Кейша, одна такая колоритная дамочка, с которой я очень близко и давно знаком. Она сообщила мне, что поскольку у каждого землянина имеется вшитый чип, теоретически можно с точностью до суток сказать кто, где, когда. Я упросил ее сделать сие, не очень законное действие. Пришлось даже рассказать твою душеспасительную историю. Кейша растаяла и согласилась.

– Не тяни, Майк, – умоляюще перебил Глеб и произ-

вольно сжал пальцы в кулак.

– Глеб, я не знаю, обрадует тебя или расстроит. Короче, нет такой Лисс Весты на Земле. Просто она вышла замуж, сменила фамилию и дело с концом. Ни одна баба не будет ждать героя девять лет, сам подумай, скорее Вселенная схлопнется нахрен!

– Баба, может и не будет...

– Дерьмо! – Майк хлопнул себя по колену. – Сколько парней мне говорили одну и ту же несусветную чушь: она ждет меня, мы любим друг друга! Ни одного не знаю, кого бы дождались. Молодая девка, как бы ни была влюблена... самый цвет жизни растратить, ради чего? Даже год – срок непомерный, не говоря уж о девяти! Ну сам ты подумай хорошенько. Даже при наиогромнейшей к тебе любви и ожиданию тебя три года, получить известие о гибели, потом еще три года ждать зачем?

– Не три, а два года с половиной ждать, – мрачно поправил Глеб.

– Ну хорошо, старик. Пусть два с половиной. Ты сам бы уже не надеялся. А тут? Молодость уходит, ради чего? Вдруг ей встретился хороший парень, и все в ее жизни поменялось, ушла она из этого долбанного Агентства с нищенской зарплатой и живет не зная горя где-нибудь на тех же Болеарах? У них ребенок, она вышла замуж, все хорошо. Она и знать то не знает, что ты вернулся. Даже если знает. Вот представь, как она встретит тебя, что тебе скажет?

Глеб задумался.

– Вот ребенок у нее, вот любимый муж, все хорошо. И тут – ты вернулся. Бросает она ребенка, мужа, работу и спешит встречать тебя. И стоит она и говорит извини, думала ты помер, не дождалась, влюбилась в другого, в живого и доброго, любит меня и дитя у нас. Сожалею, что никого у тебя не осталось, что на Землю тебя не пустили. А теперь побегу обратно, а то домашних дел по горло. Так что будь здоров, дорогой, не падай духом, держи хвост пистолетом, авось еще кого-нибудь найдешь. Так она скажет? Но зачем ей еще раз тыкать нож в рану? Давай-ка, старик, жить по-новой! Какого черта ты гробишь себя, когда весь мир наш, только руку протяни! А?

Майк был прав. Сто раз прав. Повисло напряженное молчание. Глеб вздохнул и закрыл уши руками, чтобы не слышать противного писка.

6

Из мерцающей пустоты со звоном выпал еще один осколок.

Судьба столкнула их, но тогда получилось как бы вскользь. И только вторая попытка оказалась удачной. И спустя довольно много времени с момента знакомства, Глеб вспомнил, что они встречались раньше. Это случилось, когда Глеб вернулся со стажировки, получив звание второго пилота и уже поступив на работу в Поиск. Ему предстояло задание, но для него первое настоящее, – его первый поиск в дальнем космосе, участие в двухлетней экспедиции на Данкут. Прощай родной университет!

Глеб сгреб со стола всякие мелочи и бросил в раскрытую сумку. Снял со стены фотографию родителей, положил сверху. Застелил постель покрывалом, приоткрыл форточку, осмотрел напоследок комнатенку, которую он занимал последние десять лет. Застегнул молнию на сумке, и закинув ее за плечо, легко и беззаботно вышел во двор кампуса, где пахло весной и слепило солнце, будто в новую светлую жизнь, навстречу приключениям и новым друзьям... чуть не натолкнувшись на тонкую светловолосую девчонку в потертых джинсах, грязно-голубой рубашке и огромных черных очках.

– Прости, ради бога! – извинился Глеб.

– Ты спешишь? Уезжаешь? – она поправила очки, из-под которых удивленно поднялись брови, и выпрямилась, стараясь казаться выше.

– Навсегда, – вздохнул Глеб.

– Тебе грустно?

– Немного жаль. Столько лет здесь прожил. Бросаю дом родной, а провожать некому.

– Пойдем, я провожу тебя, – легко предложила она.

Они вместе вышли со двора на кленовую аллею, ведущую напрямик через территорию кампуса к воротам. По обеим сторонам дорожки спешил студенческий разноцветный народ. Глеб шел широким шагом, ему к трем часам надо было добраться до платформы.

– Ты окончил стажироваться? – спросила она, забегаая вперед и улыбаясь.

– Ага.

– Успешно?

– Теперь я второй пилот, поисковик.

– Тебя взяли в Поиск? – с радостью и восхищением спросила она.

Глеб усмехнулся.

– Да, полечу на Данхкут, белая звезда...

– Как славно! И что ты надеешься там найти?

– Как что? Новый светлый мир, – засмеялся Глеб. – Другую Землю.

– Потрясающе! – обрадовалась она. – Потрясающе, ты говоришь это, когда все вокруг твердят: мол, другой Земли поблизости не найти, и надо осваивать ближний космос, а поиск бессмыслен.

– Какая чушь! Ты посмотри на людей вокруг. Их становится все больше и больше год от года, они устали от друг друга и от себя самих, заняты разными сложностями и трудностями, которые сами себе и друг другу выдумывают. Им нужен новый мир. Они должны стать людьми космоса. Для этого и надо искать другую Землю, понимаешь? А кто же делает это если не мы?

Глеб остановился у ворот и повернулся к девчонке. Она улыбалась и согласно кивала головой. Налетел порыв ветра с запахами мокрой земли и свежей травы.

– Удачи тебе, космический волк! – хитро сказала она.

– И тебе удачи, космическая волчица!

Глеб уже почти бегом вышел за ворота на бульвар, спеша успеть к рейсу поезда, но еще раз обернулся, почувствовав ее взгляд. Она стояла на том же месте и радостно махала ему рукой на прощание.

Так судьба встретила их в самый первый раз. Когда он натолкнулся на нее в коридоре гостиницы несколько лет спустя, то не узнал. Зато она его узнала.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ ИГРА

1

Нептун здесь, как в дурном сне, вечно стоял в зените, бросая голубоватые лучи на мраморную поверхность ледника. Внизу горела исполосованная огнями посадочная площадка космодрома и Посейдония. Сверху город смотрелся как радужка гигантского глаза с темным непроницаемым зрачком посередине. Маяк замигал зеленым, приглашая начать посадку. Под деловитые переговоры с оператором Глеб начал снижение. Глеб посещал Тритон будучи еще стажером, на заре туманной юности, и как-то мельком, в спешке. С той поры человечество успело немало здесь понастроить. Колония разрослась, наверное, вдвое, в сравнении с тем, что ему запомнилось, и теперь эта громадина удивляла своими размерами. Подобный город гораздо органичнее смотрелся бы на Марсе, но не в такой дали от Солнца.

По мере приближения стало видно, что защитный купол давно перестал быть полусферическим и больше походил на расплюснутую шайбу с неровными краями – типично для всех преуспевающих колоний. Сперва строят по единому проекту нечто совершенное, похожее на полусферы, диски, вытянутые стадионы. Но не проходит и десяти лет, как

обнаруживается, что места все-таки не хватает. И вот уже форма обезображена пристройками и пристройками к пристройкам.

– О, наконец-то Тритон! – радовался Майк, взъерошив волосы. – Вот место, где можно как следует расслабиться. Самый пиратский город в Пространстве! Надеюсь, тебе здесь понравится, капитан.

Сработали амортизаторы, и «Далекий зов» стал в зарезервированном периметре огней. Звезды слегка качнулись – это закрылось защитное поле города.

Выделенная площадка находилась не слишком близко от ворот. Пешком минут двадцать.

Сборы не были долгими. Уже через десять минут, Глеб и Майк размеренным шагом шли по пешеходной дорожке, глаза по сторонам. «Далекий зов» сразу потерялся на фоне разнообразных больших и малых колымаг, прилетевших сюда со всех концов солнечной системы. Майк рассказывал что-то о местных гейзерах, и об одном из них, что виден прямо из какого-то бара.

Вход был в длинном здании, окружавшем поселение наподобие крепостной стены. Дорожка вела к проходной для прибывших пассажиров. Кругом пестрели оранжевые таблички правил со смешными значками и крупными, для пущей важности, буквами. Правилами запрещалось вносить оружие, отравляющие вещества, вещества из других звезд-

ных систем и т. д. За нарушение этих правил грозили по нарастающей: штраф и конфискация, арест и в особых случаях, при выявленной угрозе заражения применялось даже уничтожение прибывшего бедолаги, как гласила надпись: «в целях безопасности города и его населения». Впрочем до такого на практике не доходили ни разу.

Они вошли в шлюз, двери закрылись и вспыхнул ослепительно яркий свет лучевой обработки. Их заволочло мощными струями белого пара. Минуту спустя воздух поменялся, и открылся проход внутрь, в небольшой холл с кабинками.

– О, – прочел табличку Майк. – Здесь принимают по одному. И прием может растянуться надолго. Тебя ждать с той стороны, или каждый побежит своей дорогой?

– Как хочешь, Майк, нет проблем. Главное не забыть дорогу домой. Будем на связи.

– Отлично! До встречи!

Процедура для Глеба длилась больше трех часов, так как он не имел паспорта. Долго сверяли его генетический код, смотрели предыдущие посещения, собирали отзывы, согласовывали, задавали вопросы, потом еще раз согласовывали, потом выдавали разрешение на визу. В конце концов он получил местную одноразовую одежду – черные штаны с туфлями и белоснежную хрустящую рубашку, неприятно стоящую колом на спине – и был выпущен из тесной каморки в просторный холл с мягкими креслами и стойкой, где на-

вязчиво пахло апельсинами. Девушка-менеджер в сиреневой форме поздоровалась с Глебом и положила перед ним его карточку с выписанной визой и блестящий металлический шарик.

– Это ваши деньги, документы и средство связи, а это временный чип безопасности. Он проследит за вашим состоянием здоровья и по нему мы можем найти вас, если будет необходимо.

– Что с ним делать?

– Просто размажьте его по запястью.

Глеб положил шарик на запястье и нажал большим пальцем. Твердый и холодный металл вдруг превратился в жидкость и послушно проник под кожу.

– Это навсегда? – спросил Глеб и скроил шутливую гримасу.

– Не беспокойтесь, когда вы будете покидать город, мы достанем его, – улыбнулась она. – Приятного вам отдыха!

Глеб вышел из вестибюля с таким ощущением, которое бывает, вероятно, у дикого зверя, которого зоологи поместили маячком и отпустили. Но в отличие от вырвавшегося на свободу животного, он оказался не в родной природной стихии, а в пыльной и шумной суতোлке мегаполиса. Вокруг кипела и бурлила суетная жизнь, копошилась и перемещалась проникая сама в себя масса народа, в которой выделялись странные люди, почему-то пахнущие пластиком и чем-

то сопревшим и эти тут же взяли его в кольцо, наперебой крича:

– Не проходи мимо! Такси, услуги гида недорого! Лучшие бордели, клубы, салоны! Лыжный курорт, аквапарк...

Глеб пробился сквозь окружение назойливых таксистов и влился в пестрый уличный поток с навязчиво мигающими рекламными вывесками.

Атмосфера бубнящей, вещающей и кричащей всеми глосами Посейдонии, этой гремучей смеси деловитости, помпезности, праздности, безделья и озабоченности медленно проникала в клетки его тела. Здесь все было буднично, но для него пока что слишком громко и суетно. Кто-то спешил по делам, обгоняя и толкая других; топтались небольшие группы туристов у магазинчиков и лавок; бесцельно слонялись зеваки, убивающие время, вперемешку с навязчивыми фарцовщиками и зазывалами. Между ними неспешно прогуливались надменные полицейские. Толпа состояла из людей разнообразных рас, национальностей, рода занятий: местные деловитые и спокойные старожилы с подчеркнуто-безразличным видом, вычурно одетые веселые туристы, пугливые полунищие смотрящие исподлобья мигранты, застрявшие здесь в ожидании виз на Марс и Землю. Их больше всех, тех кто прибыл сюда из дальнего космоса, из внешних колоний, что и неудивительно: полным ходом идет процесс повального возвращения. Люди хотят обратно... с небес на Землю. Сказки о далеком и денежном рае больше не вво-

дят в заблуждение тех, кто его понюхал.

Интересно, что люди, живущие в разных местах вселенной, начинают приобретать специфические черты. Во втором и третьем поколении изначальные расовые различия стираются и начинают преобладать мутации, происходящие под светом чужих человеку звезд. Тут вам и странная пигментация кожи, необычная форма и цвет глаз, специфическое телосложение. Таким путь на Землю заказан.

Глеб бродил по запутанным улочкам, стилизованным под старый европейский городок с двух-трех этажными домиками, с синим декоративным небом и цифровыми облаками, бездумно разглядывал пестрящие витрины с безделушками, одеждой, сувенирами, ювелирными украшениями, пытаюсь хоть немного привыкнуть. Но привыкнуть не получалось. На одной не самой многолюдной, а по местным меркам пустынной улице, из дверей появилось нечто неопределенного пола с высокой пирамидальной копной на голове, откуда свисали на проволочках несколько колокольчиков. Верхняя часть лица прикрывалась огромными оранжевыми лыжными очками, из-под которых виднелись вывернутые наизнанку губы и ровный ряд белых зубов. Длинная тонкая шея уходила внутрь узкого прореза, сделанного в жестком трубообразном платье цвета металлик. Прорез спускался много ниже талии. Мягкие рукава платья волочились по мостовой. Все роскошество держалось на двух ярко лимонных гофрированных раструбах из которых чуть ли не на полметра

торчали стеклянные ходули. Это двухметровое создание покачивалось, как баржа на волнах, и неумолимо двигалось в его сторону, хищно высматривая добычу. Глеб постарался вжаться в стену, надеясь, что его не коснется участь жертвы чудовища. Но оно подошло именно к нему и спросило грудным голосом неопределенного пола, обдав запахом мятной зубной пасты и высунув откуда-то еще одну третью руку:

– Бедняжка! Ты все еще ждешь меня?

Глеб выпучил от удивления и шока глаза: «Разве они знакомы? Чего ему или ей нужно?». В следующий момент он был вытеснен, выжат из плотного круга многочисленных обожателей, выросших как из-под земли. Они гудели, наперебой просили автограф у создания, возвышавшегося в центре, тянули к нему свои карточки. Оно снисходительно покачивало пирамидальной головой и тошнотворно приторно двигая сверкающими мокрыми губами, то и дело обнажало напоказ свои зубы. Глеб просочился сквозь поклонников чудовища, почесал спину, отряхнулся, поправил рубаху и зашагал прочь.

Потом его удивила процессия, которую возглавлял высокий господин в черных штанах, на причинном месте которых вероятно в качестве украшения располагался полосатый свернутый шланг – сантехническая тематика явно доминировала в современной моде. С его шеи свисали гирлянды бус, лицо скрывала карнавальная маска, а вся голова была утыкана разноцветными перьями. Он заходил почти в каждую лав-

ку, одну за другой, а когда выходил на улицу, то вслед за ним появлялся парень с коробками, пакетами и даже чемоданами, и ему приходилось встраиваться в длинную цепочку таких же, как он, несущих коробки, мешки и так далее. Вся эта цепочка носильщиков шествовала за этим господином. Глеб насчитал их не менее тридцати человек.

В одном месте Глеба кто-то остановил и схватил за подбородок. Перед ним стоял невысокий и полный тип с тонкими руками и прищуренными глазами. Хмуря брови он что-то высматривал на лице Глеба. Затем, он попросил Глеба повернуть лицо под разными углами, заглянул сам с разных сторон, говоря:

– Минуточку, не волнуйся.

А затем, почесав череп, сообщил:

– Нет, не то.

Глеб опешил и хотел спросить, что именно не то, как подошел еще один круглый небритый тип в крокодиловых ботинках и сказал первому:

– Нет, не наш типаш. Нос должен быть переломан, иначе брутальности маловато.

– Сам вижу, – ответил первый. – У меня память на лица. Он мне кого-то напоминает...

Глеб оттолкнул от себя первого и заспешил дальше.

– Дер-мо со-бак напоминает, – ответил второй.

– Не наш, не наш, – передразнил первый. – Нос переломать раз плюнуть.

2

Через полчаса он оказался на центральной площади, где зеленел скверик со скамейками. За сквером возвышался псевдошпиль псевдоготической башни с часами, упирающийся в подсвеченный экран неба – одна из замаскированных опор купола Посейдонии.

Какое-то время Глеб безуспешно выискивал глазами Майка, но потом оставил это занятие, решив, что они еще успеют друг другу надоесть. Глеб присел перевести дух за только что освободившийся от небольшого семейства столик какого-то кафе.

– Изволите заказать что-либо, сэр? Хотите меню?

– Что посоветуете для начала из напитков?

– Из алкогольных напитков?

– Пожалуй, рановато, – ответил Глеб, озираясь на часы. Было около трех.

– Тогда можете попробовать молочно-фруктовый коктейль «холдэйч», с кислородными пузырьками и хрустящими шоколадными гренокками. Очень хорошо восстанавливает силы и поднимает настроение.

– Хм. Давайте попробую.

– К вам можно? – вмешалась незнакомая девушка одетая по-деловому в белую блузку и светло-серую узкую юбку.

– Да, конечно, – Глеб привстал и отодвинул стоящий на-

против стул.

– Спасибо, – сказала она со вздохом облегчения, будто ожидала услышать отказ.

Она поправила свои длинные иссиня черные волосы, завитые на концах и откинув их за спину, присела на край стула. У нее было слегка заостренное нервное лицо, с крупными темными глазами, с румяно-желтым цветом кожи.

– Мне как обычно, – сказала она официанту.

– Да, мэм, – отозвался тот, удаляясь.

– Давно в Посейдонии? – поинтересовалась гостья, расширяя запах жженой пластмассы.

– Только что, – ответил Глеб.

– Меня зовут Мари, – она протянула руку с искрящимися стразами на длинных ногтях.

– Глеб, – он слегка дотронулся ее пальцев. – Будем знакомы.

– Вы не успели переодеться? Сегодня недурной выбор в «Зу-зу» и акция в «Соул нью манн».

– Я ничего не смыслю в местной моде. Я как-то неподобающе одет?

Он тут же задался вопросом, пытается ли она завязать простое знакомство или в скором времени предложит что-нибудь купить. На последний вариант он готов был делать ставку. Этого следовало ожидать в колонии живущей за счет туризма.

– В другом месте сошло бы. Но тут выглядите...

не очень, – Мари подняла брови, изобразив сожаление.

– Почему? – искренне удивился Глеб. – Здесь же не прием у Королевы, и не театр, а просто уличное кафе...

– Видите ли, Глеб, – Мари пренебрежительно вздернула носик. – У нас на Тритоне собралось необычное общество, элита. Здесь много всем нам известных людей. Сегодня я уже встретила с Микасом Софонусом. А вчера прилетел Ванис Мочайтис, Голдвин Перис с Дамиром Паранбековым...

– А кто все эти достойные люди? – еще раз удивился Глеб.

– А то вы сами не знаете... Ай-ай... – не поверила она. – Кладя руку на сердце, слышу впервые. – Глеб вопросительно уставился на Мари.

Девушка закатила глаза и, отвернувшись, вздохнула:

– Господи, перед кем я тут изгаляюсь!

Но тут же она сменила гнев на милость и повернулась к Глебу:

– Короче, подобный рассадник знаменитостей и творческих людей, творчес-ких, – по слогам повторила она. – есть только на Марсе в Цветочном каньоне и на Меркурии. Но для всего дальнего космоса законодатель мод – Посейдония. Как ты одет, так тебя и будут воспринимать. Вы понимаете?

– Пытаюсь, – медленно ответил он.

– Извините, что я сказала «ты», это к вам не относилось.

– Конечно. Я понял. Не представляю, что здесь такого, что привлекает внимание столь выдающихся, по вашему мне-

нию, личностей.

Ох, неспроста к нему подседа эта молодая леди, ох неспроста, думал он. А Мари жестикулируя кистями рук, продолжала:

– Кто-то ищет вдохновение, кто-то гастролирует, а кто-то снимает здесь фильмы, создает музыку или просто тусуется. Еще вот забыла! – спортсмены... На Тритоне лучшие лыжные трассы. Чудесные закрытые клубы... Короче, в Посейдонии материализована вся психоделическая аура планеты Нептун, если вам это о чем-то говорит. Все здесь. Любого понимающего человека это не может не вдохновить!

– С «ними» понятно. А вас что вдохновляет? Чем вы занимаетесь? – поинтересовался он.

– Я работаю гидом и, кстати, могу предложить вам свои услуги в плане ознакомления с достопримечательностями, – раскололась Мари и трогательно сложила пальцы домиком.

Ну вот! Так и знал! внутренне поздравил он себя. Однако, предложение «услуг» почему-то ничего иного, кроме довольно пошлых ассоциаций не вызвало.

– Значит, вы уже давно здесь живете... – не то спрашивая, не то утверждая сказал Глеб.

– Четвертый год. Скоро переведусь на Марс. А потом на Землю. Так что пользуйтесь, пока я здесь.

– Ваша семья на Земле?

– Хотя я родилась в марсианской колонии, семья успела вернуться на Землю. Расскажите о себе. Откуда вы? – Ма-

ри распахнула ресницы, сложив губки, что располагало к откровениям и попыткам преподнести себя в наилучшем свете. На самом же деле, он знал, что это было простой уловкой хищницы и способом найти слабости и оценить толщину кошелька, как говаривали в старину.

– На Земле жил немного в детстве и в юности. Не самую большую часть жизни.

– Вы – поисковик?

– А как вы определили?

– Не трудно догадаться, – она снова вздернула носик. – Вам не важно, в чем вы одеты, ведете себя странно, осторожничаєте на пустом месте, все время озираетесь, морщитесь, будто вам что-то не нравится, спрашиваете больше, чем говорите, и так далее.

– Понятно. Меня и так видно, да еще и одежда не та, – рассмеялся Глеб.

– Зачем же вас занесло сюда? – Она заинтересовано подняла брови. – Ждете визы или просто хотите развлечься?

– По делу. Но поскольку у меня есть немного свободного времени, то было бы неплохо посмотреть местную жизнь. Вдруг когда-нибудь туристов катать придется.

Хотелось бы надеяться, что не придется, внутренне поправил себя Глеб.

Официант принес два коктейля. Глеб взял свой, повертел в руках, попробовал. Сладковатый, густой, вероятно много витаминов. Гренки хрустят, как и положено. Неплохо для

ланча.

– Что же вас интересует? – спросила Мари и приникла к зеленой трубочке, торчавшей из бокала с пенистой розовой жидкостью.

– Все. Я же ничего здесь толком не знаю.

Глеб поймал себя на том, что уже давно смотрит на ее декольте, где блестела цепочка с кулоном в виде надкушенного яблока, и поспешно отвернулся в сторону.

– Все здесь можно найти только в «Бездне».

– Может, начать с музея?

– Можно начать и с музея, – Мари лукаво прищурилась. – А «Бездна» открывается в десять.

– Мари, мне конечно все интересно, как и любому, кто полгода не был в ни в каком обществе, но вот так сразу броситься в какую-то «Бездну»... это, знаете ли, меня настораживает.

– Я поняла вас, – сказала она так, будто ей надоела манера Глеба ходить вокруг и около. – Лучше всего вам начать с того, что вам действительно нужно, а уж потом перейти к музеям, если интерес к ним сохранится.

– Невысокого вы обо мне мнения, – недоуменно заметил Глеб.

– Ну что вы, успокойтесь! – махнула она рукой, еще больше вогнав в ступор Глеба. – Здесь все такие. Разве полгода воздержания вам помешают воспринимать музейные ценности? К чему этот глупый стыд?

Глеб на секунду онемел, пытаясь сообразить, издевается она или нет. Вот такая манера приводить все потребности человека к одному исключительно половому знаменателю, вызвала в нем крайнее раздражение.

– Почему стыд, Мари?

– Я же не себя предлагаю, хотя и вижу, как вы смотрите, а экскурсии, – она раскрыла перламутровые губки и щелкнула язычком.

– Как это я смотрю? – Глеб озаботился, не выглядел ли он неприлично.

– Ну как мужчина, который последние полгода был лишен женского общества. С возделением. Да не смущайтесь, – она по-свойски махнула рукой. – Я не хотела вас обидеть. Сказала слишком «в лоб», но я люблю прямо и «в лоб», чтоб начистоту.

– Не может быть... Но даже если так вам показалось, то спешу заверить – это ничего такого не значит.

Мари подняла глаза и в них зажглись лукавые искорки:

– Давайте будем проще и перейдем на «ты». Идет?

Глеб кивнул головой.

– На меня всегда так смотрят. Кстати, как далеко тебя заносило, если не секрет?

– Не секрет. Очень далеко. На Вегу.

– С ума сойти! В такой дали... – Мари с сожалением оглядела Глеба, вряд ли сознавая где находится Вега. – Ты одинок, без семьи, без детей, без любимой, без друзей... ужас-

но! Мне тебя жаль.

Заявление было произнесено сочувствующим голосом, но флюидов сожаления от нее не ощущалось. В лукавых искорках глаз, в слегка искривленном уголке рта таилось нечто отталкивающее. Слишком самонадеянна и надменна или Глеб сам настолько отвратителен? Но какое ей дело до него?

– Почему жаль? Я сам выбрал себе такой путь. Меньше всего мне нравится, когда меня пытаются жалеть.

– Но я-то имею право на свои чувства, – настаивала она, опять цинично вздернув носик. – И ничего дурного в них нет. Согласись, что наверное ты мог бы много добиться в жизни, гораздо больше, если б не последовал той странной моде прошлого, не упустил время и силы...

Но Глеб перебил:

– Вы просто слишком юная леди. Не допускаете, что мне может быть жаль вас?

Мари сначала самодовольно улыбалась, скорее по инерции, но улыбка сползла куда-то вниз, ее лицо передернулось и искривилось смесью ярости и стыда. Она действительно была застигнута врасплох.

– Какой у вас повод так думать? – горячо воскликнула она, тут же перейдя на «вы».

– А я ничего такого и не думал, – поспешил заверить он.

Но было поздно. Она не пыталась справиться с собой, ей это уже и не удалось бы. Мари вскочила со стула и со злобной

иронией протараторила:

– Вот и поговорили! Не хотите гида – не надо, так и ска-
зали бы!

– Я же не против! Только давайте начнем с простой обзор-
ной экскурсии? С музея, а? Впрочем... – Глеб едва не произ-
нес, что он и самостоятельно справился бы с поиском музея
и всего остального, что могло бы его заинтересовать. Беда
только в том, что тут на Тритоне, интересоваться ему реши-
тельно нечем – нет ни друзей, ни знакомых, толчея на ули-
цах, вычурные артисты и творцы. Разве что Мари могла бы
показать, что же в этом такого интересного? Вдруг ей удаст-
ся?

Мари остановилась на месте, ошеломлено глотая ртом
воздух. Пауза длилась недолго. В последний момент она су-
мела взять себя в руки и, повернувшись к Глебу, обронила:

– Как угодно, только переоденьтесь... хотя бы вон в том
магазине, чтобы не спровоцировать меня на неуместное со-
жаление, – она все еще сердясь протянула ему свою карточ-
ку.

Глеб провел своей картой. Посмотрел результат. Высве-
тилось фото вспыльчивого гида, Мари Саймон, 24 года, гид-
экскурсовод, цена экскурсий... от 150 до 300 эрт. Посильно.

– Если вы еще не устроились в отеле, рекомендую вам
«Северную Корону». Там прекрасные номера с видом на мо-
ре...

Она выбрала один из самых дорогих отелей в городе

и ждала его реакции.

– Пожалуй, воспользуюсь вашей рекомендацией, спасибо, – сдержанно поблагодарил Глеб.

– Прекрасно! – тоном примирения сказала она. – Экскурсию можно начать в восемь часов вечера. Вас устроит в восемь?

– Устроит.

– Тогда в восемь жду у отеля. В восемь, – еще раз повторила она, деланно улыбаясь. – Не опаздывайте. Чао!

Она развернулась на каблуках и раздраженно зацокала прочь, смешавшись с уличной толпой.

«Северная корона» стоила не слишком дорого в сравнении с земными отелями. Кроме того, он сбросил почти полцены убедив менеджера что находится в командировке и сторона, его пригласившая, должна оплачивать его расходы если не целиком, то хотя бы частично. Менеджер Жак оказался славным малым. Глебу пришлось связаться с отделом поиска, находящимся теперь в ведении Комитета, и изложить им свою точку зрения: Раз вы позвали, то и платите. Они пытались кочевряжиться: Вам же тоже нужно? Ответ был следующим: Вы перепутали, это вам нужно, и вы позвали. На том конце, поморщившись, согласились оплатить в разумных пределах. Жак поздравил Глеба с победой и предложил люксовый номер, но Глеб выбрал обычный с видом на море, как и предлагала Мари, а кроме того, его цена соответствовала «разумным пределам» Комитета.

Морем здесь называли искусственный водоем километров пять в поперечнике в самом широком месте. Водоем имел замысловатую форму, образуя многочисленные заливы с обводными каналами. Но отель выходил как раз на самую широкую его часть. С 28-го этажа отлично был виден лесистый остров посередине и противоположный берег, с урбанистической застройкой. Искусственное солнце клонилось к зака-

ту, освещая небоскребы-столбы.

Глеб запахнул занавески, распаковал купленную одежду и бросил на кровать. Принял душ, пообедал и даже успел немного вздремнуть. Ровно в восемь он вышел из отеля в элегантном легком костюме цвета мокрого песка. Ощущение дурного сна не прошло. Глеб спрашивал себя почему, и отвечал себе невразумительно.

Как раз напротив входа стояла Мари со своим байком. Ее нынешний вид радикально контрастировал с официально-деловым образом в кафе. Теперь она вышла на тропу войны, в красном облегающем комбинезоне и высоких ядовито-зеленых сапогах со шнуровкой.

Глеб приветственно махнул ей рукой, но вдруг развернулся и скрылся вновь в отеле. Мари недоуменно нахмурилась и заволновалась. Неужели этот простоватый покоритель космических пустот нашел себе другого гида? Она занервничала и даже закурила. Но через минуту Глеб появился вновь и подошел к ней:

– Привет.

– Привет. Вы готовы? – Она демонстративно швырнула сигарету на мостовую.

– Почти.

Тут непосредственно рядом остановился черный «Ягуар». Крыша двухместной кабины плавно съехала назад, и из салона выпрыгнул подобострастный парковщик, придерживая дверцу и кланяясь:

– Извините за задержку, месье Одинцов, ваши ключи, пожалуйста.

– Мерси, – ответил Глеб, принимая ключи. – Предлагаю воспользоваться моими лошадьми. Мне будет лучше слышен ваш рассказ о достопримечательностях...

Мари провела пальцем по черной полировке с зеркальными вставками из нержавеющей стали, и одобрительно покачала головой.

Они устроились в мягких кожаных креслах цвета слоновой кости и бесшумно взмыли вверх. Мари посмотрела на себя в зеркало и промолвила:

– А у вас английский вкус, месье Одинцов... Классический костюм плюс спортивная тачка.

– Рад, что угодил. Предлагаю снова перейти на «ты».

– Принято, – облегченно согласилась она.

– Теперь ты можешь сопровождать нищего мигранта без ущерба для своей репутации и я готов слушать тебя.

– Моя репутация теперь действительно не пострадает, спасибо.

Глеб заложил пару виражей, пробуя машину, а затем сбавил скорость и поплыл вдоль верхнего уровня.

– На верхнем ярусе ты видишь самые фешенебельные заведения, – начала она. – Виллы известных людей, бассейны с минеральной водой и... ах да, музей освоения. Вот, например, вилла Хим-Халовича, режиссера триллеров «Углубленные морем» и «Размягченные Луной». А вон невдалеке

вилла Бони Гучо, режиссера «Отравлен на Тритоне», боевика «Пекарь» и самого знаменитого фильма прошлого года «Лыжники в аду», который получил Оскара за спецэффекты. Он фанат Тритона...

После беглого знакомства с апартаментами знаменитых творческих личностей настала очередь Музея Освоения. «Ягуар» мягко опустился на площади перед округлым зданием. Глеб помог Мари выйти из машины и неспеша повел ее к входу.

В просторном зале никого не было. Мраморный пол, на стенах объемное изображение пейзажа Тритона, до постройки города. В центре – изваяния пятерых астронавтов, участников первой экспедиции высадившейся здесь. Пол Ниман, Айзек Кан, Борис Мельников, Кларисса Доннер, Лена Исак. Раньше каждый школьник знал их имена. При аварийной посадке они повредили управление, и им пришлось почти два года продержаться здесь, на ходу осваивая принципы добычи воды и воздуха из космического льда при помощи подручных средств. Они просто первые научились здесь выживать. Их опытом пользуются и сейчас, только с тех пор техника выживания сильно усовершенствовалась. Но в их время, выжить здесь на протяжении двух лет было настоящим подвигом.

В следующих залах демонстрировались история строительства и известные художественные произведения, созданные здесь.

Наконец, они пришли в бар, о котором упоминал Майк, с огромной прозрачной стеной, через которую можно было наблюдать ледяную бугристую поверхность Тритона, похожую на застывшее море.

Глеб заказал немного виски со льдом, и оба устроились за столиком напротив стекла. Мари продолжала повествовать о бюджетах фильмов, о престижных фестивалях и уже перешла к стоимости недвижимости, вероятно лелея надежду выступить для Глеба в качестве агента тоже, но Глеб слушал вполуха и взглядом бродил по ледяной пустыне.

– Ты веришь в силу денег и славы, – начал Глеб, дослушав рассказ Мари. – Но для тех ребят, которые строили этот город, деньги в конечном итоге были ничем.

– С чего ты так думаешь? – удивилась Мари. – Разве они не стремились к деньгам, славе? Выбрали самую престижную профессию в те времена, стали астронавтами просто так, за спасибо потомков?

Над холмами взметнулся белесый столб гейзера. Выброс был коротким. Замерзший метан с водой струями отправился вверх, а затем пошел белый снег из ясного звездного неба.

– Деньги и слава, так же как и власть, имеют силу только под защитным полем Посейдонии, где так мирно и хорошо устроились люди. Сделай шаг туда, – Глеб показал на стекло, – и все эти ценности становятся ничтожными. Не спасут они там, не помогут. Эти ребята хотели, чтобы люди могли жить свободно в космосе, вот хотя бы даже на Тритоне.

– Космос – плохое место для жизни, – возразила Мари, начиная злиться. – Каждый хочет жить на Земле. А еще лучше хорошо жить на Земле. Почему бы не рискнуть для этого? Да и с чего ты решил, что тут мирно и хорошо? Тебе не приходило в голову, что как раз наоборот, не так уж мирно и хорошо в Посейдонии?

Мари изогнулась вопросительно и с вызовом глядя на Глеба.

– Может быть и неплохо тебе с кучей денег разглагольствовать о ценностях на верхнем ярусе! А вот на нижнем не хочешь побывать? Там, на дне люди мечтают вылезти наверх любой ценой... Героизм всех этих покорителей пустых пространств такой же дутый – свалил подальше, вернулся героем. Тут тебе и слава и деньги на блюдечке. А если погиб, то тоже проблем нет, зато весело было, так ведь? Отлично устроился!

Мари подмигнула. Глеб не ответил и глотком допил виски со стуком поставив стакан на стол. Зубы его хрустнули.

– Ты закончил пить? – игриво спросила Мари. – Пойдем теперь дальше в следующий зал.

Следующим был зал Памяти. Здесь со стен смотрели на них голограммы погибших при освоении Тритона: Ивэн Фримен, Ларк Артур, Брэдт Рэйер... – имена знакомые каждому, кто когда-либо интересовался поиском.

Глеб помолчал немного и грустно заметил:

– Эти ребята, по-твоему, погибли в погоне за деньгами и славой? Они искренно верили в то, что наш человеческий мир можно изменить и сделать лучше. Вот зачем построена Посейдония.

Мари рассердилась:

– Что за бред ты несешь?

– Почему бред?

– Неужели ты сам в это веришь?!

Глеб непонимающе смотрел ей в глаза. Там горел огонь ненависти, но Мари безразличным тоном объяснила:

– Почему бред, спрашиваешь? Потому, что если бы не платили денег, они никак не оказались бы здесь. Они строили лучший мир не здесь, а на Земле. Это же просто прибыльный бизнес. Бизнес для очищения Земли от вырожденных.

Мари криво усмехнулась.

– Не веришь? Хорошо! Хочешь, я покажу тебе, что они на самом деле строили?

Дорога вводила в подземные улицы и тоннели, пока они не приехали к каким-то воротам с грязно-желтой надписью «Концентратор». Мари провела Глеба внутрь. Там располагался странный склад, с шестиэтажными стеллажами, уходящими в даль, откуда тянуло теплой затхлой сыростью. На стеллажах размещались стеклянные кубы. Внутри в одинаковых позах сидели худые люди с выцветшей, свисавшей складками кожей и закрытыми впалыми глазами. Глеб подошел ближе к одному из них. Человек внутри не обратил на него никакого внимания, только чуть покачнулся и дернулся.

– Здесь тусуется более десяти тысяч «овощей», – сказала она. – С мозгами, напрямую подключенными к соцсетям.

– И чем же они занимаются?

– Они растворены в виртуале. Живут там. А здесь их только кормят специальной смесью, чтоб меньше гадили. Ничего больше они не делают и уже не сделают – «овощи» и есть «овощи». Ты не знал об этом?

– Догадывался. Но если ты думаешь, что поисковики придумали такие вещи, то глубоко заблуждаешься. Как раз этого мы хотели всеми силами избежать.

– Вот-вот, избежать, – подметила Мари.

Глеб не стал спорить, но возмутился:

– За что же они туда попадают? Не могут же они все быть преступниками, не достойными нормальной жизни!

– Они достойны того что имеют, – хихикнула Мари. – Ты прав, здесь есть три с половиной отморозка, но остальные – это всякие тупые обнищавшие бедолаги, которые не могут выплачивать кредиты. «Овощи» счастливы и полезны – потребляют мало кислорода, пищи, энергии, увеличивают вычислительные мощности в миллионы раз, не говоря уж о том, что с их помощью можно такие операции выполнять, которые обычным компьютерам и не снились. Тут прогнозируется жизнь каждого человека, и с помощью этого можно управлять будущим. Единый разум, Единое Правительство, Единое человечество! А что? Скоро так и будет. Не убивать же их, в самом деле! – с издевкой закончила она. – А теперь поедем дальше. Увидишь, откуда попадает в человечник большинство из них.

Уровнем выше располагались низкие плохо подсвеченные галереи с бесконечными дверьми. Везде воняло сортиром попеременно с чем-то кислым и подгоревшим.

– Тут тесные комнатки, где живут всякие человеческие отбросы, – продолжала Мари.

Ход привел их на небольшую площадь, где стояла длинная очередь.

– Здесь они стоят за едой, – прокомментировала она. – Они не помнят, откуда они и куда собирались лететь после

Тритона, они никак не могут заработать и вылезти из долгов, живут в кредит и без конца наркоманят. Самое главное для них – хоть немного выплачивать по кредиту, иначе... ты уже знаешь. Половина из них имени своего не вспомнит, но они все еще цепляются за что-то и до смерти боятся концентратора. Говорят, что в концентраторе стирается личность, но я не понимаю, что тут стирать, какие личности? В концентраторе они хотя бы пользу приносят, а эти...

Люди из очереди глядели на Глеба и Мари испуганно и подозрительно, прячась в одежды и прижимаясь к стенам.

– В основном, они когда-то отправились во внешние колонии, в надежде подзаработать и переселиться поближе к Земле. Только как там подзаработаешь? Денег там нет, как ты и хотел со своими поисковиками. Там они превращаются в выродков и мутантов. Теперь они никому не нужны. По-твоему, они украсили бы Землю? По статистике в этих застенках около пятнадцати тысяч. Всего 45 процентов населения Посейдонии составляет так называемое пассивное человечество. Они все в концентраторе и здесь. Считать их людьми – это уж слишком.

Мари победоносно взглянула на Глеба и бодро направилась дальше в закоулки. Уверена в своей правоте, подумал Глеб. Для нее все ясно и правильно.

Заскрипела дверь и в проеме показалось бледное детское личико с голубыми глазами. Ребенок с любопытством высу-

нул голову, покрытую седым пушком, но его тут же втащили обратно и дверь захлопнулась. Мари остановилась.

– Номер 8067, – громко прочитала она номер квартиры. – Незаконное размножение.

Оттуда выбежала женщина и бросилась на колени перед Мари.

– Сеньора, сеньора, прошу вас! О, Санта Мария... Не сообщайте.

– Ты знаешь, что в таких условиях запрещено размножаться, – железным тоном ответила Мари. – Если ты мать, то переезжай наверх, либо сдай ребенка в приют.

– Я наверх, наверх, – продолжала умолять та. – Я осталось скопить тысячу эрт. Еще одна неделя.

– У вас есть карточка? – вмешался Глеб.

– Да... – женщина испуганно протянула ему карту. – Сеньор, не сообщайте, сеньор, ради всего святого!

Глеб взял карту. На ней значилось имя Патрисия Лукас, уроженка колонии на Проксиме. Он набрал на своей карте полторы тысячи и перевел ей.

– Господи, благослови этого сеньора! – зарыдала она. – Я завтра же перееду. Только не сообщайте!

– Хорошо, хорошо, – ответил Глеб, уводя Мари под руку.

– Какой красивый жест, ты прямо благодетель и заступник обиженных, – хмыкнула Мари. – Ты думаешь, она переедет?

– Полагаю, да.

– Наивный человек! Она пойдет и купит близза.

– Это что такое?

– Единственное доступное им счастье. Всего таблетка, и ты можешь прожить еще один день... даже в такой помойке как эта. Хочешь попробовать? – спросила Мари, захлопывая дверцу машины.

Глеб не ответил.

Следующий уровень, минус первый, состоял из сети просторных тоннелей, по обеим сторонам которых тянулись пятиэтажные грязно-желтые дома-подпорки с узкими вентиляционными переулками, где что-то капало сверху и пахло пищевыми отходами. На первых этажах зданий горели вывески клубов, баров, салонов и магазинов. По центру тоннелей располагались так называемые бульвары с газонами и коротко стриженными кустами. Когда Глеб и Мари вылезли из машины, то гуляющие прохожие тут же одарили их завистливыми взглядами. Рабочий день кончился, и люди не спеша блуждали по улицам без всякой видимой цели.

– Они выглядят более довольными, – заметил Глеб.

– Просто могут себе позволить таблетку близза в день, – парировала Мари.

– Сколько же стоит она?

– Пятьдесят эрт.

– Объясни мне, на кой черт им этот близз?

– Клевая штука. Тут все им пользуются. Без него ты будешь день за днем входить в уныние, испытывая упадок сил.

Вокруг – монотонная безысходность будней, бедность, страх еще большей бедности... а над всем этим, – начала иронизировать Мари, очертив полукруг руками, – купол Посейдонии. Он построен славными героями... на благо Человечества.

– Если у людей в голове лишь слава и деньги, да страх попасть в концентратор, то немудрено попятить, – сказал он, рассматривая парочку, пытающуюся засунуть в багажник двухместной серебристой машинки детскую коляску.

– Все хотят хорошей жизни, – пожала плечами Мари.

– Чем же «все» занимаются?

– Как и везде.

– А как «везде»?

– Господи, – Мари закатила глаза. – Все заняты в сфере обслуживания, где же еще? Людям нравится, когда их обслуживают люди. Каждый хочет, чтобы его обслуживало как можно больше человек. Один стрижет тебе ногти, другой волосы, третий делает массаж, четвертый тренирует тебя в спортзале, пятый покупает тебе продукты и так далее.

– А самому нельзя что ли тренироваться в спортзале или стричь ногти?

– Самому? – удивилась Мари. – Подходишь к станку, дернешь пару раз, подойдешь к дорожке, пробежишь пару минут – скукота. Кто же будет тебя вдохновлять? И ногти обгрызть можно самому, но разве ты сделаешь лучше, чем профессионал?

Мари показала свой великолепный маникюр.

– А задницу тоже профессионал должен подмывать? – съязвил Глеб.

– Профессионал все делает отлично, – вполне серьезно ответила Мари.

– Но мне не требуется профессионально. Я как бы и сам неплохо справляюсь.

– Не хочешь – как хочешь, дело твое, – недоуменно подняла брови Мари. – Ты наверно так одичал в своем космосе, что моешься исключительно сам? А все вот давно предпочитают ходить в салоны, чтобы их мыли сертифицированные специалисты. Сам же понимаешь, что не сможешь обеспечить телу качественный уход, на высоком уровне.

– Конечно не смогу, – с готовностью согласился Глеб, удивившись, что она это серьезно так считает. – Куда мне...

Нет, ну надо же до чего распустились, только и подумал он, сами помыться не могут... Ну и времена, ну и нравы...

– Хочу показать тебе одно место, – Мари взяла его за руку и повела в бар со странным названием «Конский топот».

В сумрачном помещении с длинной стойкой играла тихая музыка. Здесь сидели несколько человек, потягивали коктейли, кто-то непрерывно хихикал. Мари кивнула бармену, прошла мимо стойки к занавеске из бамбуковых палочек и раздвинув их, поманила Глеба за собой.

В небольшой комнатке, увешанной коврами и амулетами, за массивным столом с горящими свечами сидела полная, похожая на многослойный пирог пожилая женщина в черном искрящемся платье, обнимающем каждую складку желеобразного тела.

– Мадам Сильвия? – позвала ее Мари.

– Мари, девочка моя, – отозвалась радостно та, тяжело приподнялась, задрожав, наклонилась над столом, опершись на него руками, и, потянувшись к щеке Мари, громко чмокнула воздух толстыми напوماженными губами. – Кто этот господин?

– Этот? – Мари не оборачиваясь показала пальцем на Глеба, стоящего у нее за спиной. – Это Глеб, бывший поисковик. Эй, Глеб, хочешь узнать свое будущее? Мадам Сильвия очень известная прорицательница.

– Подойди сюда, дорогой, – сказала мадам Сильвия сипловатым грудным голосом. – Дай мне твою руку, Глеб.

– Не думаю, что вы мне поможете, – усмехнулся Глеб.

– А ты попробуй, – подразнила Мари.

– Это не будет тебе стоить ничего, – поддержала Сильвия.

Он протянул руку, саркастически улыбаясь. Та хищно схватила ладонь Глеба своими пухлыми пальчиками-сардельками, наклонилась, будто вынюхивая что-то, затем отдернулась, словно обожглась, закатила глаза и тут же из-под столешницы вытащила карту с изображением пятиконечной звезды. Ее передернуло и она выкатила свои круглые как у рыбы водянистые глаза на Глеба.

– Ну и что скажете, мадам Сильвия? – с какой-то гремучей смесью негодования, разочарования и любопытства спросила Мари. – Это андроид или бывший человек с полной кибернацией мозга? А может он просто обломок космического мусора?

– Ничего-ничего, милая... Тяжелый случай тебе попался... – запричитала мадам и, обращаясь к Глебу, спросила:

– Значит, Глеб, не хочешь, чтобы я помогла тебе?

Глеб скептически посмотрел на Сильвию.

– Хорошо. Не буду настаивать. Одно я скажу все-таки. Тебя ничто и никто не остановит, ты получишь свое.

Глеб откашлялся и ответил с шутливым тоном в голосе:

– Я ценю ваши усилия, мадам Сильвия, и особенно восхищен последним замечанием.

Мадам Сильвия залилась озорным смехом. Глеб, делано поклонившись, попятился назад, к выходу.

– Глеб, подожди, – кинулась за ним Мари.

Надо же так сморозить, бурчал он про себя, «ты получишь свое». Каждый получит свое. И ничто никого не остановит.

– Ты разочарован? – поинтересовалась Мари, когда они вышли на улицу.

– Нет. Вовсе нет. Я ожидал подобного.

– Мадам Сильвия очень хорошая прорицательница, жаль, что ты не веришь.

– Конечно хорошая.

– Глеб, ну не дуйся, – Мари обняла его, и Глеб от неожиданности вздрогнул. – Прости, что я была такой резкой... Пойдем лучше потанцуем и забудем эти глупые споры. Тут есть прекрасный клуб...

Конечно, пресловутый клуб, куда все тут же бегут первым делом.

Мари, смеясь, увлекла его за собой в очередную подворотню. Смена ее настроения обескуражила и напугала Глеба. Молодая и пылкая снобистка, обвиняющая всю поисковую часть человечества, и его в том числе, внезапно смягчилась и стала беспечной и даже дразняще привлекательной. И это после того, что внизу? Плевать на концентраторы и трущобы, давайте петь и танцевать. Зачем нам портить вечер ложными угрызениями совести, ложным состраданием? Давайте не будем врать, давайте танцевать...

Вход в «Бездну» был оформлен как космический шлюз. В предбаннике стояли лавки с ожидающими своей очереди. Человек десять лениво попивали что-то, глядя на вновь прибывших. Одеты были все по-разному: девушка в рваных желтых колготках, голубом барочном корсете и высоком парике на голове, парень в горнолыжном серебристом костюме, но почему-то без лыж; дама в полупрозрачном зеленом балахоне с золотыми застежками на щиколотках и запястьях; еще кто-то неопределенного пола в обтягивающем голубом латексе, почти как на Мари, но другого цвета и так далее. Официант, голый загорелый парнишка с перекачанными бицепсами в белом фартуке, собрал плату и раздал напитки.

– Расслабься, Глеб, – дружески обняла его Мари. – Ты выглядишь напряженно.

– Чувствую себя не в своей тарелке, – признался он.

– Чепуха, Тритон – самое демократичное место во Вселенной!

Была слышна музыка из зала, который располагался за железной перегородкой, имитирующей створку шлюза. Туда их пока что не пускали, но Глеб, глядя на странные наряды присутствующих и слыша звуки, не сильно хотел идти внутрь. Музыка представляла собой волнообразные шумы, похожие на то, что выдает радиостанция, когда нет сигнала, среди них отчетливо завывали пилы (этого Глеб наслушался за последние полгода вдоволь), периодически все перекрывала вибродрель, падая эхом в глубины, из которых доносились запре-

дельные и далекие звуки трубопрокатных станков. Внутри этого саунда, то приближаясь, то удаляясь, звучали ритмические секции и обрывки мелодий.

Мари толкнула локтем Глеба:

– Допивай уже, тебя все ждут.

Глеб оглянулся и увидел, как все снисходительно поглядывают на его бокал. Глеб глотком осушил его и тут же его забрал подскочивший официант. Как только он исчез, из боковой двери возник странный малый в желтом с красным волочащимся плащом и с ядовито-оранжевым ирокезом на голове.

– Вы будете синим облаком! – делая странные пассы руками и задом, сообщил он всем, а потом еще повторил каждому: – Ты будешь синим облаком, детка. Ты тоже будешь синим, понятно? Ты будешь синим облаком... – Он подошел к последнему, тому, который лыжник, и сообщил доверительно: – И ты будешь синим облаком, пупсик!

И тут сверху с потолка на присутствующих стал опускаться синий дым. Вся очередь повскакивала с мест и принялась радостно подпрыгивать, махать руками, чтобы пропитать им свою одежду и как следует «посинеть».

– Давай, давай, Глеб, – задорно подхватила Мари. – Подними меня выше.

Глеб взял ее за талию и приподнял, погрузив в клубы нависшего облака. Мари вернулась оттуда довольная, прикрыв рукой нос и рот, задерживая дыхание и жестом предлагая

Глебу подпрыгнуть и вдохнуть. Он вдохнул, ощутив сладковато-мятный привкус влажного воздуха и только. Мари схватила Глеба сзади и развернула к открывшейся стене.

Синий дым отяжелев пополз вниз, в зал со ступенями, напоминающий гигантский амфитеатр. Подобные клубы дыма, только красные, зеленые, оранжевые, языками стелились со всех сторон к центру. На каждой ступени танцевали люди. Танцующие были разделены на несколько типов. Одни тряслись и подпрыгивали, вскидывая руки вверх и ловя ритмы барабанов, которые, как казалось, носились в воздухе над залом. Другие более спокойно извивались в такт плавно меняющимся фоновым звукам. Третьи вытворяли что-то среднее, отзываясь на пролетающие звуки пил и дрелей. Глеб подошел к краю первой ступени. Перепад составлял чуть больше метра. Чем ниже, тем меньше было места и тем теснее толпа танцующих. На третьей ступени вниз, все стояли впритык друг к другу и толкались, а еще ниже уже лежали, ползали друг по другу, почти как в какой-нибудь оргии развращенных римских императоров.

– Прыгай! – радостно крикнула Мари и подтолкнула Глеба вперед.

Стоя среди трясущихся и подпрыгивающих тел в экстатическом угаре, под гул басовых ударных и слепящие вспышки света, Глеб словно оказался на сцене спектакля, совершенно никак его не касающегося, бесполезного и далекого. Среди толпы то и дело появлялась и исчезала извивающаяся фигур-

ка Мари. Она театрально протягивала к нему руки, принимала соблазнительные позы, стараясь завлечь, он же оставался отчужденным от происходящего. В уме мучительно вращался вопрос: почему он ведет себя как чурбан и не смеет пойти на поводу простой и непосредственной радости жизни и плоти? Почему бы ему не начать трясти конечностями и бессмысленно мотать головой, стать рубахой-парнем и окунуться в водоворот событий, пусть без цели и смысла, зато ярких и красочных? Но в самом вопросе было что-то не так... Невозможно изображая радость стать радостным. Он вдруг понял свою ошибку. Он ошибся, войдя в клуб. Все было фальшиво изначально. Навязчивая встреча в кафе, навязчивое предложение Мари... Любой турист в поисках развлечений с легкостью найдет этот идиотский клуб, и гид для этого потребует только самым разбалованным. Его же словно хотели затащить сюда. Вот это он чувствовал абсолютно точно. Но зачем?

– Пойдем ниже! – крикнула возникшая рядом Мари, схватив его за руку.

И они спрыгнули в тесную толкающуюся толпу. Здесь помимо всего остального снизу вырывались фонтанчики воды, намочившие одежду. Она у всех была мокрая, но большинство, облаченное пусть в самую необычную, но одноразовую одежду, распечатанную на принтере, никак не беспокоилось по поводу ее намочения. Глеб брезгливо морщился, увораживаясь от фонтанчиков, что выглядело как неловкий танец,

и это было глупо. Мари добралась до него, обняла, радостно хохоча. Окружающее посинело, словно они вошли в то самое синее облако, обещанное на входе, и музыка стала восприниматься иначе. Глеб услышал переливчатую мелодию, которую изображала Мари и начал двигаться ей в такт, следуя вслед за ней к краю ступени. Мари обмякла, с улыбкой обнимая его шею, и смотря необычно мягко, можно подумать даже влюбленно, приблизилась губами к его уху и прокричала: – Держи меня крепче!..

Глеб обнял ее за талию, и они вдвоем упали на мягкий наклоненный пол нижней ступени, в лужи прозрачного геля, в кучу-малу экстатически дергающихся людей. Они ползали друг через друга, как скользкие сопливые змеи, запутавшиеся в клубке из ног, рук, тел. Они сползали вниз по спирали к розовому входу закручивающейся гигантской раковины. Водоворот людей втекал в неширокое отверстие, в сужающуюся глотку. Мари со смехом оторвалась от него, скрывшись за другими танцующими. Глеб, отпихиваясь от дергающихся тел, выскальзывая из объятий, и все еще пытаясь сохранить целостность рукавов и пол пиджака, спускался вниз, стараясь как можно быстрее выбраться из оргиастического ада.

Когда он достиг спуска и смог встать на ноги, Мари оказалась недалеко впереди и махнула ему рукой. Глеб последовал за ней в розовое жерло ракушки, протискиваясь между женщинами и мужчинами, как килька в бочке. Дальше жерло сужалось и теснота возрастала. Он пролез понизу

на четвереньках, получив несколько ударов коленями по задку и ребрам, и встал рядом с ней, отстранив какого-то парня в черном трико с голыми плечами. Кажется, его он видел среди остальных еще наверху, в предбаннике. Мари довольная собой, вновь притиснулась к Глебу, продолжая извиваться и дразнить, а парень пристроился сзади Мари. Вся одежда, руки, лицо были в масле, и даже воздух казался густым как гель. Толпа медленно ползла внутрь сужающейся ракушки, повизгивая и охая от наслаждения. Мари и Глеба сдавили с новой силой в компании с еще двумя парочками. Одноразовая одежда тех вся изорвалась в клочья и волочилась следом. Глеб поскользнулся, наступив на лохмотья, упал вместе с Мари, и они соскользнули вниз по наклонной, мимо, проваливаясь сквозь раскрывшуюся диафрагму в закручивающееся по спирали скользкое жерло.

Все оборвалось внезапным падением. Всплеск и прохлада. Полутемный бассейн с шипучей водой. Просторный зал. Музыка почти не слышна. На стенах – тусклые светильники подсвечивают своды разбегающихся в разные стороны галерей.

– Никогда еще не доходил до столь сильной любви к человечеству, – сказал Глеб, отплевываясь от воды и пытаясь смыть с себя масло.

Мари доплыла до противоположного края и поднявшись по трапу призывно поманила его:

– Нам в синюю! Там есть душ, – и побежала в один из вхо-

дов, завешанных синим покрывалом.

Глеб поднялся, услышав за собой всплеск от новой прибывшей парочки, и последовал за Мари, двигаясь неестественно медленно, как ему казалось, словно через студень. Мысли путались, уступая натиску поднявшейся волны похотливого возбуждения повисшего в воздухе. Параллельно он ощутил сигнал опасности и, осторожно приоткрыв завесу, вошел в галерею. По бокам нее располагались небольшие залы – каморки, некоторые завешаны полупрозрачными занавесями. В одной из них он с удивлением обнаружил Мари, стоящую к нему спиной и стягивающую свой костюм. Глеб, смутившись, задвинул занавес. Раздался сокрушающий удар. Вспыхнули яркие искры, все поплыло и заволокло мглой. Ноги подкосились, тело налилось свинцом и холодный пол уперся в щеку. Спустилась тьма. В темноте звякнула далеким эхом труба.

Глеб вынырнул на поверхность и, с трудом приоткрыв глаза, увидел, как парень в черном трико борется с голой по пояс Мари. Тот самый парень, который пристроился к ней еще в ракушке. Глеб, кряхтя, приподнялся на локте, ощутив острую боль в голове. Парень в трико оттолкнул Мари на кровать, и, развернувшись, тут же мастерски вырубил Глеба пинком в висок.

Лежа уже на спине, вновь всплывая, он через полуприкрытые веки разглядел Мари, которая нависла сверху и что-то блестящее совала ему в нос. В следующий момент она

встала и исчезла во мгле, откуда светил мутный зеленоватый фонарь. В свете его появился темный силуэт огромного шарообразного человека, размахивающего руками, а потом кто-то пролетел мимо, распластавшись на полу рядом с Глебом. Толстяк, подпрыгнув, упал на грудь бедолаги, добивая его. Затем, все стихло, замерло, только медленно покачивался сверху зеленый фонарь. Так продолжалось бесконечно долго, пока не подуло чем-то свежим. Мари снова нависла над ним, трясая за воротник и беззвучно открывая рот.

Глеб наконец открыл глаза полностью, и вдруг слух к нему вернулся.

– Вставай, вставай! – кричала Мари.

На заднем плане что-то менялось. Глеб приподнял голову, увидев, как пол камеры движется вверх, подобно лифту. Оказывается, зал «Бездны» имел прозрачные стены и на народ, бесновавшийся там, можно было посмотреть со стороны.

– Вставай, очнись Глеб, – продолжала кричать Мари.

– А?.. – спросил Глеб ощупывая затылок. – Экскурсия уже закончена?

– Какая к черту экскурсия? Сейчас поднимемся и надо убегать, пока не поздно!

– А что случилось?

– Быстрей!

Глеб перевернулся на бок, поднимаясь, и обнаружил лужу крови. Кто-то хорошо его саданул. Глеб сел и тут же рядом

увидел Майка.

– Вот так встреча! Майк?

Тот лежал без сознания, приоткрыв рот, в широких шортах и разорванной цветастой рубашке. Глеб поднялся, ощущая нестерпимую боль во всем теле и в затылке, испытывая тошноту и мусть перед глазами. Взял Майка за руку.

– У него свои дела с мафией, оставь его, – крикнула Мари.

– С мафией? Что за чушь... Я же не могу бросить его! – проговорил Глеб. – Ну-ка, помоги мне.

Кабинка качнулась, сообщая о прибытии наверх. Глеб потащил волоком Майка в коридор.

– Нам надо уходить туда, – сказала Мари указывая в сторону, где мерцала надпись «запасной выход».

Глеб приподнял Майка, взвалив себе на плечи, Мари пристроилась помогать и они втроем, слегка пошатываясь, вывалились во двор, похожие на пьяную троицу, только что побывавшую в переделке. Дорога через три квартала растянулась на полчаса, но это казалось вечностью. Трезвость сознания возвращалась болезненно и неприятно – с головокружением, тошнотой и ноющей болью где-то в ребрах.

– Кто этот пылкий поклонник? – охнув, поинтересовался Глеб.

– О, Господи, какой он тяжелый и скользкий! – не ответила Мари.

Добравшись до машины, Глеб втолкнул на заднее сиденье Майка, а Мари нашла аптечку и вылила пену на затылок Гле-

ба.

– Быстрей, – поторопила она.

Глеб сел за руль. Машина перелетела в соседний квартал и спикировала на трассу.

– Его надо срочно в больницу... – произнес Глеб, пытаюсь стянуть с себя промасленный, но так и не порванный пиджак.

– Налево, – подсказала Мари. – Я знаю одну.

Через полчаса они выехали на верхний уровень.

6

Пока Глеб припарковался у белого длинного здания. В голове по-прежнему звенело и зрение выхватывало куски реальности, тщетно пытаясь собрать полную картинку. Глеб действовал почти интуитивно. Он вышел из машины, крикнул санитаров, Мари побежала ко входу. Глеб прислонился к капоту, борясь с головокружением. Внезапно, ему показалось, что он стоит один в темноте посреди плоского поля и вокруг ничего нет, только слышно как где-то над головой завывает ветер. Видение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Пришел в себя, наблюдая как по мокрому асфальту санитары в белых халатах увозят каталку с Майком. Над темно-зелеными подсвеченными газонами шуршали струи автополива, и вода из свернутого сопла собиралась в лужу на тротуаре. За стеклом вестибюля больницы замечались тени врачей, но суета стихла и воцарилось белесое зеленоватое спокойствие. Глеб вымылся под поливочным душем и вернулся к машине вновь мокрый до нитки и продрогший.

Мари нервно закурила.

– Я не ожидал такого от него, – поделился Глеб. – Как он вообще там очутился?

– В «Бездне»? Не смейся. Ваш брат туда ломится, все как один, стоит только таможду пройти. Первым делом в «Бездну». Твой приятель из таких, – ответила она, тоже трясаясь

всем телом от холода и нервов. – Наркотики, девочки... Там это недорого.

– Точно. Недорого, – криво усмехнулся Глеб. – Чем же он не угодил этим парням?

Мари пожала плечами.

– Мари, а кто этот тип в трико? Какого черта там происходило, ты мне не объяснишь?

Мари затянулась и медленно выпустила дым в окно, попутно осматривая свои безупречные ногти.

– Сэм мой бывший, но мы до сих пор живем в одной квартире, и он считает, что я ему принадлежу, – поморщилась Мари. – Это он тебя стукнул по голове. Я не могла предположить, что у него хватит ума вытворять такое! Некоторое время назад он связался со Стэном, одним мафиози, и задолжал ему. Видимо, он хотел расплатиться моим счетом и мной. Теперь у меня нет ни копейки денег, ни дома. Этот гад вытряс из меня все.

– Я тебе еще должен за экскурсию.

– Да уж скажешь! За такую экскурсию впору требовать неустойку.

– Глупости, – ответил Глеб. – Ты же не виновата, что он приревновал тебя. Если бы не он, я мог бы до сих пор радостно прыгать и позитивно дергаться.

– Спасибо, Глеб, – горько усмехнулась она. – Они посмотрели твою карточку и поняли, что Майк твой приятель. Тот тип, Стэн, толстый такой, решил тебя не отпускать.

– Почему?

– Деньги. Вытрясли бы деньги или отделали так же...

Не знаю, в какие там дела влип твой Майк... Это мафия, Глеб. С ними лучше вообще не иметь дел, иначе будешь должен по гроб жизни.

– У меня с ними нет дел, – он ощупал шишку на затылке. – Что ты теперь будешь делать? У тебя есть подруги, друзья, помимо бывшего?

– Не трогай руками, там у тебя ссадина. Не беда, переночую в парке. Беда в том, что теперь я не смогу работать. Эти... найдут меня где угодно, не оставят в покое. Не на панель же мне идти!

– Скорее всего, именно это их бизнес... Сегодня переночуешь у меня. Это будет безопаснее парка... А утром решишь, что делать, – предложил Глеб. – Ты серьезно называешь их мафией?

Мари выпустила дым струйкой, скептически оценивая предложение переночевать.

– Стэн – сутенер и вышибала в «Бездне». В полицию обращаться бесполезно. Там закроют глаза на любые мафиозные разборки, а в худшем случае найдут, за что оштрафовать и посадить того, кто обратился.

– Будешь водить туристов исключительно в музей?

– Глеб, ты как с неба свалился, эдакий наивняк.

Мари горько рассмеялась.

– Сюда прилетают не за музеем... Блин, не надо было те-

бе его спасти! Я бы выкрутилась без тебя как-нибудь, твой дружок сам вляпался, пусть сам бы и расхлебывал. Ты и себе жизнь испортил, и мне, и ему возможно тоже. Ну побили его, ну деньги слили... не думаю, что они прямо-таки хотели его убивать. Понимаешь? А теперь ты вытащил его, влез в их дела, а они такое не прощают.

– А ты-то что им должна была? Ты на них работаешь?

– Нет, но похоже, что Сэм меня просто-напросто продал Стэну, за долги, – Мари нервно закурила вторую, пустив слезу. – Сэм плотно подсел на близз. Денег у него нет, значит берет в кредит. Теперь видно, решил расплатиться мной, раз я ему денег не даю. Такой вот взаимозачет.

Бедная Мари, сочувственно подумал Глеб, угораздило же попасть в такую скверную переделку! Если все так, как она говорит, и она потеряла свои сбережения и работу, стоит на краю переезда на этаж ниже, а там уже совсем близко до концентратора... неужели все именно так... чудовищно?!

– Подожди-ка меня здесь, – сказал Глеб, вылезая из машины.

В холле больницы было светло и пусто. Ряды квадратных колонн уводили в непроглядную даль во всех направлениях. Он покрутился на месте, оставляя мокрые следы, пытаюсь найти хоть одного живого человека.

– Вы что же тут делаете в таком виде? – окликнули его. Плотный мужчина средних лет в халате доктора присталь-

но разглядывал Глеба, а затем увидев его лицо, неожиданно приветственно развел руки:

– А, Глеб Одинцов! Уж не ожидал вас увидеть!

– Мы знакомы? – удивился Глеб.

– Я с вами знаком. Я внимательно следил за ходом экспедиции к Веге. Я ведь тоже полетал в свое время, – доктор приветливо заулыбался. – Игорь Ганин.

– Извините, не могу подать руки. Я весь черт знает в чем. Вы говорите, Ганин? – переспросил Глеб. – Постойте, Ганин, Ганин... Вы же были в составе экспедиции к Сиринее! Ведь так? Под командованием Джека Полака, моего бывшего первого помощника?

– Точно, точно! – обрадовался Ганин, теребя кончик рыжих усов. – Врачом. А теперь, застрял в этой дыре! – Ганин удрученно обвел круг рукой. – Уже шестой год!

Глеб заинтересованно, но без эмоций смотрел на доктора и молчал, с содроганием обнаружив под собой лужицу стекшей с него воды и внутренне вздрагивая от каждой падающей капли.

Ганин как ни в чем ни бывало вздохнул, разгладил усы и продолжил:

– Вы, надо заметить, выглядите... не очень. Нужна моя помощь?

– Нет-нет, обойдусь... впрочем, вы правы, Игорь. Я насчет Майка, того парня...

– А, да-да. Майк э... Кролько? Состояние не ахти. Он упо-

требляет наркотики?

– Никогда не замечал за ним, до сего дня.

– Так случается периодически. Тут разное случается. У вашего приятеля сильная передозировка. Еще бы полчасика и его бы не стало. Плюс куча переломов. Кто-то его хорошо отделал. Сломана грудная клетка, перелом голени, ушибы и сильное сотрясение мозга.

– Я нашел его в клубе.

– Возможно, он связался не с теми, с кем следует, – предположил Ганин. – В любом случае состояние пока нестабильно. Ничего определенного сказать не могу. Возможно, завтра будет яснее. Но и вам, мой друг, как мне кажется, изрядно досталось...

Доктор сделал паузу, и чувствуя неловкость снова принялся крутить ус.

– Нет-нет, я в полном порядке, – поспешил заверить его Глеб. – Просто внешний вид, э... слегка... Извините... конечно...

– Пустяки. Сюда попадают иной раз в гораздо худшем виде, чем у вас, – пошутил Ганин, похлопав Глеба по мокрому рукаву рубашки.

– Я немного искупался... – продолжил было оправдываться Глеб.

– Давайте поменяемся контактами, – внезапно предложил Ганин. – Так редко встретишь здесь нормального человека! Посейдония... – он гневно погрозил кулаком кому-то свер-

ху. – Посейдония давно стала помойкой, и пообщаться, поверьте мне, практически не с кем...

– Что ж, буду рад, – ответил Глеб, вытаскивая карточку из слипшегося кармана рубашки.

Доктор и Глеб щелкнулись карточками, с удовольствием глядя друг на друга.

– Извините, дружище, – сказал Ганин, снова чувствуя неловкость и необходимость расстаться. – У меня смена и еще пятеро тяжелых пациентов, извините.

– Ничего-ничего, вы правы, – согласился Глеб. – Но я с удовольствием встречусь с вами позже, когда вам будет удобно.

– До встречи, – доктор схватил руку Глеба и горячо потряс, и тут же заспешил прочь. Отойдя несколько шагов он остановился, решительно обернулся, махнул рукой и добавил:

– Надеюсь, что скоро увидимся, Глеб!

Глеб сидел в кресле, в свежее распечатанной сухой черной водолазке и сухих джинсах, в своем номере, пахнущем выглаженным постельным бельем, с наслаждением ощущая, как отступила боль в затылке. За окном редкие огни набережной отражались в темной воде. Думать ни о чем не хотелось. Пока он приводил себя в порядок, смывая остатки масла в душе, Мари успела заснуть на его кровати, призывно выставив голую ногу из-под одеяла. Но она не дождалась. Какие могут быть ноги после адской «Бездны» и трещины в черепе? Вот после музея, да ресторанчика, ноги могли бы случиться, а теперь они лишние, эти ноги. Со своей головой бы разобраться, куда уж там чужие ноги. Глеб улыбнулся внутреннему теплу и спокойствию, закрыл потяжелевшие веки, слушая, как тикают часы на стене над кроватью, передвигая светящиеся старинные стрелки. Неужели весь этот тритонский беспредел наконец позади?

Когда Глеб очнулся, за окном уже светало. Он попытался пошевелиться в кресле и ощутил режущую боль в запястьях. Он был пристегнут к подлокотникам наручниками. Вдобавок кто-то развернул его спиной к окну. Спектакль продолжался. Перед Глебом сидел на краю кровати лысый и довольный жизнью боров в черных очках и самодовольно скалился

крупными белыми зубами. Позади него, прижавшись к стене, сидела Мари, завернувшись в одеяло. Еще двое классических мафиози в таких же, как у борова, очках, но фигурой постройнее, стояли с каждой из сторон кровати. Глеб непонимающе уставился на прибывших гостей, глупо улыбаясь.

– Злое утро, господин Одинцов! Меня зовут... Лысый, – радостно хихикнул Лысый. – И чтобы зло этого утра не переходило в день, а потом и в ночь... – Лысый покачал головой. – К вам сразу вопрос. Вы случайно не слышали о такой штуке, под названием «кари»?

– Специя? – неуверенно поинтересовался Глеб.

– Спецсредство.

– Вроде близза?

– Нет, ну что вы! Это же две абсолютно полярные вещи, – Лысый поправил очки. – Что такое близза? Так, дешевка. Эйфория от гибнущих нейронов мозга, тех самых, в которых сидела апатия, скука и подавленность. Плюс немного избыточного вожделения. Дрянь. Большие мальчики и девочки таким не интересуются, – Лысый облизал губы и наклонился ближе к Глебу. – Неужели вы не слышали о золотой пыльце с крыльев меркурианских бабочек?

– Что за бред? Какие еще бабочки? – возмутился Глеб и тут же получил оплеуху.

– Не сердите меня...

Лысый встал, прошелся взад вперед хрустя кулаками и снова сел напротив Глеба.

– Так вот... вы как капитан, должны были знать, – продолжал Лысый, – какие вещества разрешены на Тритоне, а какие нет. Близз легальное вещество в Посейдонии. Но «кари»... Это совсем другое дело. За его провоз... – он показал, что бывает за его провоз. – Вы меня хорошо поняли?

Глеб кивнул:

– Думаю, что да.

– Вот, если бы у вас на борту имелось «кари», то независимо от того, знаете вы об этом или нет... – Лысый облизал губы, подбирая слова. – Никто не стал бы разбираться. Понимаете?

– Разумеется, – до Глеба начало доходить.

– Вы неглупый человек. Мне совсем не хочется с вами ссориться и тем более делать что-то такое... м-м-м... злое. Я даже допускаю, что вы совсем... ну просто совсем-совсем не в курсе...

Лысый натянуто улыбнулся.

– Тем более, что мне нужно довести дело до конца, а не играть в крутого парня, который размажет невинного в общем-то человека по асфальту Посейдонии, или пустит его в переработку в концентратор, или еще смешнее – утилизирует как отход на мусорном заводе.

Бугаи хихикнули. Лысый посмотрел на них с укором и сожалением.

– Забегая вперед... О, как я люблю этот высокий штиль! – заулыбался Лысый. – Ваша проблема состоит в том, что «ка-

ри» чрезвычайно сложно доставить на Тритон. На любой проходной его засекут в два счета. Ведь ингредиентов чтобы его производить на Тритоне нет, – Лысый изобразил на лице глубокую скорбь.

Затем он отодвинулся от Глеба и продолжил:

– Мне ничего не стоит вкачать в ваше тело солидную дозу близза. Постепенно конечно, не сразу, но неминуемо он приведет вас к слабоумию. Те самые нейроны, в которых покоилась ваша печаль, тоска, раздражение, погибнут тысячами. Тоска и раздражение уйдут на время, но утром вернуться вновь с новой силой. И вам снова нужно это средство. У вас слишком много лишних нейронов... Проходят дни и вы даже не замечаете, что у вас их стало слишком мало, чтобы быть нормальным человеком. И наше гуманное общество предложит к вашим услугам комфортабельную камеру в концентраторе. Вы случайно не употребляете близз?

Глеб отрицательно покачал головой.

– Ну, может попробуете? Разок ведь не страшно, – засмеялся Лысый. – Вы еще не заметили за собой признаки слабоумия?

Глеб не ответил, но поднял и опустил брови.

Лысый стал серьезным и тяжело вздохнул.

– Бывает ли так, что вы забыли чего-нибудь, а? И вот к вам приходит человек, и говорит, господин Одинцов, а как насчет того контейнера с Марса? А?

– Я пока не понимаю... – рассеянно ответил Глеб. – Вы

про какой контейнер?

Лысый выдержал паузу, поиграл желваками и снова придвинулся к Глебу.

– Так вот, на чем я остановился? А! Так вот «кари», чтобы вам было известно, совсем другое дело. Это можно сказать витамин, антиоксидант и много-много чего еще, что так полезно для человека, заброшенного в космос. Он не разрушает нейронные связи мозга, а даже напротив, очень эффективно препятствует их разрушению. Мало того, он запускает механизм обновления клеток... – Лысый наклонился к уху Глеба и зашептал:

– Интересно, поговаривают, что люди которые его употребляют, живут очень долго. Не стареют, понимаете?

Лысый отодвинулся и продолжил:

– Вы теперь хотите узнать, на что же оно похоже, быть человеком на 100%? Вы же не пробовали «кари», мистер Одинцов? Или пробовали? – Лысый хрустнул кулаком.

– Я ничего не знаю, кроме того, что вы сказали... Но весь в нетерпении, – съязвил Глеб.

– Приятно бывает поговорить с умным и в меру любопытным человеком. Но только в меру, – подчеркнул Лысый. – Раз вы не знаете... и вам так интересно знать... Помните себя в детстве? Помните, как бесконечно долго длился день? Да что там день, час! И при этом вы не старели... Помните то восхитительное чувство, когда вы впервые смогли сложить пять и шесть? Как вы были горды собой, вам казалось, что

вам открылась великая тайна вселенной и ключи от всех дверей мира в ваших пальцах... И вам наверное хотелось бы и сейчас, будучи взрослым дядей испытывать это потрясающее чувство собственного величия... снова сложив пять и шесть, да? Ох, детство, детство... Эти вечные соленые соп-ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.